

27 40 44

Z 103
419

РАЗСМОТРѢНІЕ РЕЦЕНЗІЙ,

ЯВИВШИХСЯ

НА

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

К. И. НЕВОСТРУЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1870.

Z $\frac{103}{419}$

су

РАЗСМОТРѢНІЕ РЕЦЕНЗІЙ,

ЯВИВШИХСЯ

НА

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

К. И. НЕВОСТРУЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лп., № 12).

1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1870 г.

Непрежѣнный Секретарь *К. С. Веселовскій.*

60463-44 Ш

2011110148

Изъ Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Томъ VIII, № 1.

10/1

10/1

ОГЛАВЛЕНІЕ

отвѣтовъ на рецензіи Описанія синодальныхъ рукописей.

СТРАН.

- I. На рецензію г. Безсонова 1-го тома Описанія . . . . . 1—67
- О не существованіи до времени Геннадія Новгородскаго полнаго списка Библии ни у насъ, ни у прочихъ славянъ, стр. 4 и слѣд.; защищается лице Геннадія, обвиняемое въ незнаніи и невнимательности при собраніи библейскихъ книгъ, стр. 9 и слѣд.; употребленіе собранной имъ Библии, стр. 11; разсмотрѣніе нѣкоторыхъ, по словамъ рецензіи, древнихъ и лучшихъ переводовъ, коими не воспользовался Геннадій: а) изъ Ветхаго Завѣта, стр. 15, и б) изъ Новаго, стр. 24; здѣсь сперва разбирается мысль рецензента о преимущественномъ образованіи предъ духовенствомъ народа или общества въ древней Россіи, и объясненіе отсюда переводовъ въ разныхъ видахъ Евангелія и Апостола, а потомъ, стр. 31, защищается избранный Геннадіемъ текстъ Новаго Завѣта. О полнотѣ Геннадіевой Библии, стр. 34; объ утратѣ нѣкоторыхъ книгъ древняго перевода, стр. 35; о томъ, что другихъ книгъ вовсе и не было въ древнихъ переводахъ, и почему Геннадій переложилъ сии книги съ латинскаго, стр. 38 и слѣд.; опровергается мысль рецензента о полномъ первоначальномъ переводѣ Библии, стр. 45, и разсматривается извѣстное мѣсто изъ посланія Геннадія къ ростовскому архіепископу Юасафу, которое подтверждаетъ утрату и неполноту древнихъ переводовъ въ составѣ Библии, стр. 47; показывается, что предпріятіе Геннадія было и разумно и полезно, стр. 52. Разсматриваются указываемые рецензіею въ параллель Геннадіеву древніе составы Библии у юго-западныхъ славянъ — болгарскій списокъ въ Нямецкомъ монастырѣ и чешская Библия, стр. 55. Разбираются филологическія замѣчанія рецензіи на Описаніе синод. рукописей, особенно указаніе на глаголитскую редакцію свящ. текста, стр. 58.
- II. На рецензію г. Срезневскаго 2-го тома Описанія . . . . . 67—70
- III. На рецензію свящ. Смирнова-Платонова 3-го тома Описанія . . . . . 70—78

О СОСТАВѢ БИБЛІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ И О ДРУГИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ,

изложенныхъ въ Описаніи Синодальной библіотеки и оспориваемыхъ въ нѣкоторыхъ на оное рецензіяхъ.

К. И. НЕВОСТРУЕВА.

Особенное вниманіе, какое въ послѣднее время обратило II отдѣленіе Академіи Наукъ на Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, побуждаетъ меня сдѣлать объясненіе на нѣкоторыя недоразумѣнія и возраженія, изъявленные въ рецензіяхъ на вышедшія книги этого Описанія. Не бесполезно это будетъ и для науки, поколику здѣсь разсматриваются весьма важныя и серьезные вопросы, напр. относительно кодекса славянской библіи и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ памятниковъ славянской письменности.

I.

Прежде всѣхъ предъ нами предстоитъ, по времени явленія, по многимъ сдѣланнымъ возраженіямъ и прираженіямъ къ Описанію, обширная критика *г. Безсонова на первый томъ*, помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ за 1857 г. Мы хотѣли въ свое время дать на нее отвѣты, но отъ людей, вполне разумѣющихъ дѣло, получили

благоразумный совѣтъ, при неумѣренномъ тонѣ критики, не возбуждать напрасно спора. Съ тѣхъ поръ открылись нѣкоторыя новыя данныя, проливающія свѣтъ на спорные вопросы или положенія, а потому теперь, мы думаемъ, болѣе умѣстны и дѣйствительны наши объясненія.

Первый томъ, котораго касается критика г. Безсонова, содержитъ Описаніе синодальныхъ рукописей по Свящ. Писанію. Такъ сказать ядро его образуютъ три полныхъ списка Библии, изъ коихъ старшій написанъ въ 1499 г., въ Новгородѣ, при архіепископѣ Геннадіѣ, «повелѣніемъ его архидіакона». Этотъ составъ или собраніе библейскихъ книгъ въ едино, по нѣкоторымъ въ немъ даннымъ и указаніямъ и по общепринятому мнѣнію, въ Описаніи приписывается заботливости самаго Геннадія (см. Предисл. стр. VII). Притомъ въ древнемъ чиноположеніи архидіаконъ, по распоряженію коего сдѣланъ старшій списокъ, былъ главный производитель и хранитель дѣлъ при архіереѣ, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ онъ былъ органъ архіепископа. Изъ самаго этого опыта собранія книгъ и изъ того, что въ немъ нѣкоторыя книги, именно двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Нееміи, Товіи и друг., переведены вновь съ латинскаго, а текстъ другихъ, напр. книгъ пророческихъ, Іова и Пѣсни пѣсней, заимствованъ изъ толкованій на сіи книги, въ концѣ обзорнѣя списковъ (стр. 132—137) составителями Описанія сдѣланы выводы: 1) что до Геннадія не было у насъ одного полнаго состава библейскихъ книгъ; 2) что хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Пророки, и были изначала переведены на славянскій языкъ, какъ показываютъ слѣды ихъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ, но сей древній текстъ ихъ утратился, и потому Геннадій обратился къ толкованію на нихъ, и 3) отъ другихъ книгъ второстепенной важности, въ Геннадіевомъ собраніи переведенныхъ съ латинскаго, вовсе не осталось древнихъ слѣдовъ, и неизвѣстно, были ли онѣ когда либо переведены съ греческаго. Считая сіи выводы смѣлыми, оскорбительными для нашей древности и соблазнительными для современнаго общества, г. Безсоновъ старается ихъ опровер-

гнуть. Для сего онъ, во-первыхъ, хотя слегка, замѣчаетъ (стр. 12), что такіе выводы основываются только на рукописяхъ Синодальной бібліотеки, тогда какъ прочія могутъ представить другія данныя. Потомъ всемѣрно старается унижить дѣло и заслуги Геннадія по собранію книгъ библейскихъ тѣмъ, что пересмотръ и исправленіе его острожскими издателями, во время Петра I и Елисаветы будто показываютъ, что оно не было официально признано и не пользовалось въ Россіи авторитетомъ (стр. 14 и сл.), что Геннадіемъ не употреблены въ дѣло списки, содержащіе лучшей переводъ, напр. книги Псалтири, Есоири, Пѣсни пѣсней (стр. 20 и слѣд.), или изъ Новаго Завѣта — апракосныя Евангелія и Апостолы (стр. 32 и слѣд. и стр. 38). Истязуется и подвергается упреку самая полнота Библии Геннадіевой (стр. 43 и сл.), ставится въ вину переводъ недостававшихъ книгъ не съ греческаго, какъ бы по мнѣнію критика могъ сдѣлать Геннадій, а съ латинскаго, и вообще подрывается знаніе и ревность Геннадія въ этомъ дѣлѣ (стр. 58 и сл.). Наконецъ рецензентъ говоритъ и представляетъ соображенія противъ допускаемой описателями рукописей утраты нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ въ древнемъ переводѣ или несуществованія ихъ въ переводѣ до Геннадія (стр. 48 и сл., 56). Вотъ сущность критики и главныя возраженія, сгруппированныя нами здѣсь изъ разныхъ ея мѣстъ. Теперь, не входя въ подробности, мы дадимъ отвѣтъ на эти главныя возраженія и замѣчанія.

Первое изъ сихъ возраженій, что описатели сдѣлали такіе выводы по однимъ только синодальнымъ рукописямъ, хотя оно и слабо выражено (стр. 12), должно быть всѣхъ сильнѣе. Но противъ этого теперь мы объявляемъ, что описатели не такъ были поспѣшны, чтобы въ столь важныхъ и обширныхъ выводахъ утвердиться только на однихъ синодальныхъ рукописяхъ: они имѣли въ виду и другія бібліотеки, и вообще, содержа въ умѣ сію посылку, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо указывали на прочія бібліотеки (см. Опис. отд. I, стр. 246, 289): Мы тщательно просмотрѣли печатные каталоги всѣхъ описанныхъ бібліотекъ:

Румянцова, Толстова, Царскаго и Московскаго Историческаго Общества, осмотрѣли библіотеки Троицкой лавры, Московской Духовной Академіи, Московскаго Чудова монастыря, Синодальной типографіи, Успенскаго собора, Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, и Іосифова Волоколамскаго монастырей и нѣкоторыя частныя собранія рукописей. Но нигдѣ мы не нашли вообще полнаго списка Библіи, не говоря о времени до Геннадія, а встрѣтили только отдѣльныя собранія библейскихъ книгъ, тѣхъ-же и въ томъ-же видѣ, какъ они являются въ Синодальной библіотекѣ, съ Пятюкнижія до Царствъ или Есоири включительно, книги Соломоновы, Іова и пророковъ съ толкованіемъ; не нашли ни пророковъ и другихъ книгъ въ отдѣльномъ, древнемъ и первоначальномъ переводѣ, считаемыхъ нами утраченными, ни слѣдовъ отъ книгъ Паралипоменонъ, Ездры и другихъ, при Геннадіѣ вновь переведенныхъ съ латинскаго, а если гдѣ и находили, то въ позднемъ Скорининскомъ переводѣ или въ томъ же латинскомъ, сдѣланномъ при Геннадіѣ, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже. Сколько возможно было, мы слѣдили сіи книги, или полный составъ Библіи, по разнымъ извѣстіямъ о рукописяхъ и у братій нашихъ славянъ — по Славянину Добровскаго (Slavin, Prag 1834) и т. д.; но и тамъ не нашли ихъ, кромѣ упоминаемаго Соларичемъ очень сбивчиво въ *Поминакъ книжескомъ* (изд. 1810 г.) списка Свящ. Писанія, сдѣланнаго какимъ-то монахомъ, въ 1429 г., въ Молдавскомъ Нямецкомъ монастырѣ. Но что это за списокъ и полный ли, мы не знаемъ (Кеппена Библіографическіе листы, стр. 485). Въ слѣдъ за Геннадіемъ предпринялъ изданіе Библіи князь Константинъ Острожскій; но, при всѣхъ стараніяхъ, онъ не нашелъ въ славянскихъ земляхъ полной Библіи, кромѣ Геннадіевой въ Москвѣ. «Ибо и книгъ глаголемыхъ Вивлія, говоритъ онъ въ предисловіи, въ зводъ сего дѣла начальствомъ (во владѣніи?) не имѣхомъ... но и во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенского ни едина обрѣтесе совершенна (полна) во всѣхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, токмо отъ благочестиваго государя и великаго князя Іоанна Васильевича Московскаго... сподобихомся пріяти совершенную Вив-

лію». При такомъ положеніи рукописей Свящ. Писанія у насъ въ Россіи и у юго-западныхъ славянъ, естественно рождались въ умѣ вышеозначенныя три заключенія, выведенныя описателями изъ Геннадіева собранія библейскихъ книгъ: въ этомъ случаѣ сіе собраніе послужило только подкрѣпленіемъ и помимо его составляющихся заключеній. Г. Безсоновъ въ критикѣ своей не обратилъ вниманія на прочія бібліотеки и самъ ограничился однимъ синодальнымъ книгохранилищемъ, которое при вышеизложенныхъ ображеніяхъ и привело насъ къ оспориваемымъ имъ выводамъ! Продолжавшіеся по изданіи 1-го тома поиски и послѣдующія открытія еще болѣе утвердили составителей въ этихъ выводахъ. Новгородская Софійская бібліотека и рукописи В. М. Ундольскаго, поступившія теперь въ Московскій музей, равно какъ и Севастьяновское собраніе юго-славянскихъ рукописей въ этомъ музеѣ, представляли тоже явленіе, что и прочія русскія бібліотеки. А въ собраніи г. Ундольскаго рукопись подъ № 1-мъ, по содержанию въ ней преимущественно книгъ библейскихъ, названная у него Библией, особенно благопріятствуетъ выводамъ описателей. Она старше перваго синодальнаго списка (1499 г.), хотя также XV в. *). Въ началѣ ея помѣщено *Пятюкнижіе Моисеево*, потомъ книги *Иисуса Навина*, *Судей*, *Руои* и *Царствъ*—въ томъ же переводѣ и со всѣми тѣми особенностями, какія замѣчены въ Описаніи синодальныхъ списковъ. Въ книгѣ Навина къ стиху 33-му 24-й главы также прибавлено: «до сего жидовская»; но замѣчанія на опущеніе стиховъ 21, 27—22, 2, показывающаго сличеніе текста съ латинскимъ (Опис. стр. 24), здѣсь нѣтъ, какъ и вообще нѣтъ никакихъ слѣдовъ употребленія Вульгаты. За Царствами слѣдуетъ (л. 263) книга *Есоури*, въ томъ же переводѣ съ еврейскаго, какъ и въ синодальныхъ спискахъ, только доведенномъ до конца книги по еврейскому тексту, т. е. до 3-го стиха 10 главы, о чемъ скажемъ ниже. Потомъ (л. 269)—книга *Писнь*

---

*) Этимъ старшинствомъ своего списка и хвалился покойный владѣтель, при своихъ небогатыхъ средствахъ, заплатившій за рукопись 300 р.

тѣсей, съ толкованіемъ Филона Карпаѳійскаго, а не выбранная изъ него, какъ въ синодальныхъ. За симъ (л. 296) въ *Екклесіастъ* сперва идетъ одинъ священный текстъ включительно до словъ 12 стиха 1-й главы: *азъ съборникъ быхъ царь надъ Израилемъ*. Непосредственно за ними пишется (2, 14): мудраго очи въ головѣ его и другіе тексты изъ разныхъ мѣстъ книги, съ толкованіемъ отцевъ въ двѣ, три, пять и иногда десять строкъ, которое и оканчивается на словахъ (12, 5): процвѣтетъ кляпышь и утыетъ ябредіе *). Послѣ сего снова пишется заглавіе книги, такое же, какъ въ началѣ ея, крупное, киноварью: Книгы, рекомыя Екклесіастъ и пр. Но заглавіе это современною рукою зачеркнуто для показанія, что слѣдующее за симъ не есть новая книга, но продолженіе предъидущаго; такъ какъ и дѣйствительно за симъ (очень странно) пишется окончаніе 13-го стиха 1-й главы, прерваннаго въ предъидущемъ чистомъ текстѣ книги, безъ толкованія: *въ Іерусалимѣ, дахъ сердце мое*; далѣе до конца рукописи уже идетъ одинъ только священный текстъ. Такой же точно списокъ находится въ Румянцовскомъ музеѣ (№ ССІV по описанію Востокова, стр. 271), XVI в., приложенный митрополитомъ Макаріемъ въ Пафнутьевъ монастырь. Ясно, что синодальный текстъ книги Екклесіаста взятъ изъ подобнаго списка, съ опущеніемъ толкованія (хотя и не вездѣ): потому что и въ немъ сперва читаются 12 стиховъ 1-й главы до словъ: *азъ съборникъ быхъ царь надъ Израилемъ*, потомъ стихи 2, 14 и другіе выбранные изъ толкованія: *мудраго очи въ головѣ его*, до 12, 5: *процвѣтетъ кляпышь и утыетъ ябредіе*, а за ними конецъ 12 стиха: *въ Іерусалимѣ, дахъ сердце и пр.* (Опис. 1, 67—68). За Екклесіастомъ (л. 306) помѣщена книга *Притчей*, доведенная только до 5-го ст. 24-й главы. Въ самомъ текстѣ она имѣетъ два значительныхъ пропуска (19, 25—21, 3; 22, 5—23, 15) и разности отъ синодальныхъ списковъ. За тѣмъ

---

*) Три такіа толкованія (катены) на книгу Екклесіаста указываются Фабриціемъ Bibl. Graeca, ed. 2, t. VII, p. 751. Изъ двухъ впрочемъ, находящихся въ синод. греч. рукописяхъ № 147 и № 355, ни одно не подходитъ.

(л. 315—317) изъ книги *Премудрости Соломоновой* помѣщено нѣсколько паремій. Текстъ *пророковъ* и нѣкоторыхъ другихъ книгъ отчасти приводится въ послѣдующемъ за тѣмъ большомъ извлеченіи изъ Палей и греческихъ хронографовъ. Въ концѣ рукописи находятся *Апокалипсисъ* (л. 341), съ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго и книга *Пѣснь пѣсней* (л. 449), текстъ которой извлеченъ изъ написаннаго выше (л. 269) толкованія на нее Филона Карпаѳійскаго, съ тою отмѣною противъ синодальныхъ списковъ Библии, что слова толкованія въ оныя не приняты (хотя и не во всѣхъ случаяхъ) и самый текстъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправленъ. Составитель списка, предшествовавшій Геннадію и, очевидно, сбиравшій книги библейскія, не помѣстилъ ли бы въ немъ одинъ чистый, безъ толкованія, текстъ, и при томъ текстъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, если-бы онъ былъ подъ руками? Тоже самое представляетъ другой, недавно открытій списокъ библейскихъ книгъ 1507 г., сдѣланный въ княжествѣ Литовскомъ въ Супрасльскомъ монастырѣ. Цѣль и содержаніе списка означены на 1-мъ заглавномъ листѣ: «якоже пчела събираетъ съ всякаго цвѣта въ единъ сотъ и изливаетъ въ ядь сладку: тако и сіа книга изложена отъ всѣхъ въ едину» (т. е. отъ разсѣянныхъ порознь библейскихъ книгъ собрана въ одну). И за тѣмъ перечисляются слѣдующія книги: 16 пророкъ — Осіе, Іоиль... Іеремія, Даніиль, Іовъ, Притчи, Соломонъ (Премудрость Сол.), отъ Царствъ 3, ключъ паремьямъ, Екклесіастъ, Пѣснь пѣсней, *Менандръ*, Іисусъ Сираховъ, предисловіе псалтырное, Псалтирь, изъ Псалтири главы пѣсни псалтырной, ключъ Евангелію, Евангеліе и т. д. новозавѣтныя книги. Изъ помѣщеннаго въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ (т. 8, 1859—60 г., стр. 144—150) преосв. Филаретомъ свидѣнія о спискѣ и замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ видно, что книги пророческія здѣсь въ томъ же текстѣ, какой и у Геннадія, съ пропусками въ книгѣ Іереміи, не восполненными переводомъ съ латинскаго, какъ у Геннадія, книги Притчей и Екклесіаста съ тѣми-же отличіями, какія у Геннадія, только въ послѣдней нѣтъ вставки 38 стиховъ въ 12 ст. 1-й гл.; Пѣснь пѣсней—

въ особомъ переводѣ, томъ-же, какой представляетъ отдѣльный списокъ Синодальной бібліотеки по Описанію № 17. Къ тому-же заключенію приводятъ сохранившіяся до насъ древнія описи богатаго книгами Волоколамскаго монастыря. Въ описи 1545 года (рукоп. Московской епарх. бібліотеки № 689) а) до временъ Геннадія не значится полной Библіи, а только вышепоказанныя же отдѣльныя ея части—Пятокнижіе Моисеево (подъ именемъ Бытья); нѣкоторыя историческія книги и пророки, б) расположеніе ихъ въ описи показываетъ совершенное отсутствіе мысли о полномъ составѣ Библіи. Не въ одномъ мѣстѣ и не во главѣ духовныхъ книгъ всѣ онѣ поставлены, а, смотря по содержанію, разбиты между разными книгами, именно: на л. 43 об. Пятокнижіе (Бытье) поставлено предъ Шестодневцомъ Златоуста, за тѣмъ книга Филона (т. е. Карпаѳійскаго — толкованіе на Пѣснь пѣсней), лѣтописцы; на л. 45 послѣ Палея, Амртола, Криницы и Зонарина Паралипомена стоятъ біблейскія книги: Паралипоменонъ, за ней книги Ездры въ лат. переводѣ Геннадія (по нынѣшней описи № 11, см. о немъ ниже), Иисусъ Наввинъ; на л. 46 приписаны нѣсколько позже поступившія а) книга, въ десть, пророчество (т. е. 16 пророковъ) и б) книга Библея, въ десть, Митина писма слуги монастырського. Въ описи 1591 г. (Епарх. бібліот. № 688, л. 182 об.) хотя означенная Библея поставлена въ началѣ книгъ бытійскихъ Ветхаго Завѣта и за нею слѣдуетъ Бытье (т. е. Пятокнижіе), Шестодневъ Василія Великаго, Царства, но за тѣмъ Палея, лѣтописецъ Манассинъ, хронографъ Амртола, опять біблейскія книги Ездры, Іовъ праведный, книга Паралипоменъ—лѣтописецъ, Филонъ Карпаѳійскій. Вышеозначенное же пророчество (16-ть пророковъ) поставлено гораздо выше (на об. 171 л.), между твореніями Григорія Богослова и Василія Великаго. По напечатаніи 1-го тома, мы просмотрѣли также изданія, касающіяся и рукописей славяно-русскихъ — Шафарика, *Geschichte der südslawischen Literatur*, Prag, 1864—65, Срезневскаго, *Древніе памятники письма и языка русскаго* (Спб. 1863 г.), равно и юго-западныхъ славянъ (1865 г.), также всѣ вышедшіе номера Гласника Обще-

ства сербской словесности, — но и тамъ не нашли себѣ опроверженія *).

Скажемъ теперь о другомъ разрядѣ возраженій — отъ незнанія, невникательности и небреженія въ собраніи библейскихъ книгъ, взводимыхъ критикомъ на архіепископа Геннадія. На это во-1-хъ замѣтимъ, какъ сказали мы и выше, что наши означенные выводы не основывались единственно на Геннадіевомъ собраніи, а на общихъ соображеніяхъ славяно-русскихъ рукописей по Свящ. Писанію. Тѣмъ не менѣе, по сущей правдѣ, мы никакъ не можемъ отказать Геннадію ни въ авторитетѣ его личности, ни въ важности его собранія относительно настоящаго дѣла. Въ древней исторіи русской церкви лице Геннадія такъ извѣстно и славно, что отнюдь не нуждается въ нашихъ похвалахъ и не боится порицаній (см. Филарета, Обзоръ русской духовной литературы, Харьковъ, 1859, § 107, св. Геннадій). Ревность свою о церкви и чистотѣ ученія онъ особенно показалъ въ извѣстной борьбѣ съ жидовствующими, стоившей ему столькихъ трудовъ и непріятностей; просвѣщеніе свое и ревность по немъ — въ посланіяхъ по дѣлу жидовствующихъ, въ заказанныхъ имъ по этому же дѣлу переводахъ съ латинскаго Златаго сочиненія раввина Самуила (и доселѣ настольная книжка!) и противъ безвѣрія іудейскаго также въ ученомъ мірѣ извѣстнаго Николая de Луга (Строева, Описание рукописей Царскаго, № 461). Далѣе Геннадій показалъ свое просвѣщеніе въ составленіи пасхалии на осмую тысячу лѣтъ, порученной ему отъ всероссійскаго собора, въ церковномъ уставѣ, имъ же написанномъ, въ посланіи его къ митрополиту Симону о необходимости завести духовныя училища, и въ строгости, съ ка-

---

*) Въ одномъ только мѣстѣ Шафарикъ приводитъ предположеніе Карамана о глаголитской Библии, писанной въ 1475 г., предположеніе, основывающееся на описи имущества одного князя, о которой Сим. Ассеманъ замѣтилъ: *ex inventario colligitur praeter Missalia Illyrica etiam Sacra Biblia extitisse*. Но самъ Шафарикъ соглашается здѣсь съ Добровскимъ, который сомнѣвался въ существованіи такой Библии и полагалъ, что въ рукописи говорится о латинской Библии (*Gesch. d. südslav. Literatur*, 1 Band, S. 169).

кою онъ требовалъ отъ посвящаемыхъ имъ приличныхъ сану познаний. «Геннадій бывъ пущенъ, т. е. возведенъ на архіепископію, говоритъ Іосифъ Волоколамскій, яко левъ на злодѣйственныя еретики устремися, яко отъ чащи божественныхъ писаній и яко отъ высокихъ и красныхъ горъ пророческихъ и апостольскихъ ученій» (Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, Москва, 1838, стр. 95—96). Съ одной стороны упреки жидовствующихъ, съ другой римско-католиковъ, въ неимѣніи у насъ на Руси полной Библии, побудили ревностнаго Геннадія къ собранію свящ. книгъ въ одинъ составъ. Уже Добровскій, ученый чехъ и патриархъ славянскихъ филологовъ, осматривавшій наши русскія и юго-западныя славянскія бібліотеки, о дѣлѣ Геннадія писалъ: этотъ знаменитый мужъ (*dieser wichtige Mann*) не первый ли началъ собирать разсѣяныя отдѣльныя части Ветхаго Завѣта, чтобъ составить полную Библию? По крайней мѣрѣ о другой древнѣйшей полной Библии нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда (*Von einer ältern ganzen Bibel ist wenigstens nirgends die geringste Spur*. Slavin, Prag, 1834, S. 159). Въ другомъ мѣстѣ (S. 282) онъ прямо говоритъ, что честь собранія полной славянской Библии въ 1499 г. принадлежитъ собственно русскимъ и что поводомъ къ тому послужили изданныя въ то время латинскія, нѣмецкія и двѣ чешскія Библии, и показываетъ, что въ глубокой древности изъ Библии переведено было очень немного. Послѣ сего можно ли ожидать отъ Геннадія въ настоящемъ дѣлѣ такого невѣжества, невнимательности и небрежности, каковыми клеймить его рецензентъ? Самая важность случая вызывала энергію этого неутомимо-ревностнаго пастыря. И если онъ теперь текстъ нѣкоторыхъ книгъ извлекъ изъ толкованія, а другія вновь перевелъ (не самъ лично) съ латинскаго: то, конечно, къ тому заставляла его нужда, и во всякомъ случаѣ легче было отыскать книги, если онѣ существовали, нежели цѣликомъ переводить ихъ вновь. Если въ критикѣ (стр. 14 и сл., 17) поставляются въ вину Геннадіева собранія сдѣланныя въ его Библии исправленія острожскихъ издателей, потомъ нашихъ исправителей при Петрѣ I и Елисаветѣ: то въ

этомъ виновать уже не Геннадій, а самыя переводы, имъ передаваемые. Переводъ же, особенно древній, какой бы онъ ни имѣлъ авторитетъ и преимущества, при послѣдующихъ пересмотрахъ естественно долженъ подвергнуться исправленіямъ, какъ въ отношеніи къ точности и ясности его, такъ и въ отношеніи чистоты и понятности языка его для современниковъ. Естественно было симъ издателямъ и исправителямъ сличить весь текстъ съ греческимъ подлинникомъ, неточности исправить, опущенія восполнить, постороннія прибавки исключить (какъ оказалось въ самыхъ древнихъ и лучшихъ переводахъ Пятюкнижія), представлявшееся въ переводѣ съ еврейскаго или латинскаго вновь перевести съ греческаго и всѣ книги привести въ порядокъ по греческому же кодексу. Самому Геннадію пересматривать и исправлять древній переводъ не было возможности и надобности: онъ исполнилъ свое дѣло, собраніемъ въ одно разсѣяннаго и восполненіемъ недостающаго относительно только состава книгъ, тѣмъ, что привелъ всѣ въ порядокъ и снабдилъ предисловіями. Отсюда само собою падаетъ заключеніе рецензента, что Библия Геннадія не была официально ни признана, ни принята (стр. 20). Если царь Іоаннъ Васильевичъ Константину Острожскому не другую какую прислалъ Библию, а Геннадіеву, если острожскіе издатели ее положили въ основаніе своего труда, ее исправляли, а въ другихъ случаяхъ такъ ее держались, что, не говоря объ ошибкахъ перевода, приняли самыя погрѣшности писцовъ (см. Описаніе, 1, 52, 61, 62, 73, 83, 91, 98, 107, 111, 123, слич. реценз. стр. 14), если ее же употребляли и московскіе издатели 1663 г. (въ чемъ и рецензентъ соглашается, стр. 16, 17), вполне удержавъ на основаніи ея сдѣланный острожскій переводъ: то все это не показываетъ ли официального признанія и употребленія Геннадіевой Библии? Въ 1558 г., въ славной просвѣщеніемъ Іосифовской обители, по указу царя Іоанна Васильевича, сдѣланъ былъ точный съ нея списокъ (Синодальной бібліотеки № 2). Но еще прежде сего въ той же обители, слугою монастырскимъ, написана вышепомянутая Библия, значущаяся въ описяхъ 1545 и 1591 года. Въ тоже

время полный списокъ Библии епископъ рязанскій прилагаетъ въ какую-то церковь (Синодальной библіотеки № 3). Эти примѣры вмѣстѣ указываютъ и на то, что другаго полного списка Библии не было извѣстно. Мы знаемъ еще и отдѣльные списки книгъ библейскихъ, переведенныхъ Геннадіемъ съ латинскаго. Полное собраніе книгъ этого перевода конца XV в. находилось прежде въ библіотекѣ г. Погодина, теперь въ Императорской публичной (Описаніе синод. рукоп. отд. 1, стр. 127 прим.). Другой полный же списокъ XV—XVI в., современный преподобному Іосифу, находился въ библіотекѣ основаннаго имъ Волоколамскаго монастыря, подъ № 9 и 11. Обѣ рукописи теперь въ Московской Духовной Академіи. Первая, № 9, содержитъ книги 1 и 2 Паралипоменонъ, Юдию, Есфирь (въ томъ-же переводѣ съ еврейскаго, какъ въ синод. спискахъ Библии), Премудрости Соломоновой и главы изъ прор. Іереміи 1—25, 46—51. Вторая, № 11, — три книги Ездры, Нееміи, Товіи, 1 и 2 кн. Маккавейскія, 45 и 46 главы изъ прор. Іезекіиля. Писецъ первой изъ сихъ рукописей, № 9, помѣтилъ на оборотѣ 210 л.: «сѣ тѣрати писаны на писюа на волокъ», а на первомъ бѣломъ листѣ, кажется, собственноручная подпись преподобнаго: «носиюъ». Препод. Іосифъ былъ сподвижникъ Геннадія противъ жидовствующихъ и въ духовной литературѣ имѣлъ обширныя свѣдѣнія. Видно, что новый переводъ вполне его интересовалъ. Одна глава изъ книги 1-й Паралипоменонъ, книга Товіи и Юдию, переведенныя съ латинскаго, находятся въ сборникѣ XVI в. Новгородской Софійской библіотеки, принадлежащей нынѣ С.-Петербургской Духовной Академіи (Лѣтоп. Археограф. комисіи, вып. 3, Спб. 1865, Описаніе 24 сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки, стр. 36—37). Въ Волоколамской же рукописи, нынѣ Московск. Духовной Академіи, № 10, XVI в., послѣ книги Іова помѣщены находящіяся въ Геннадіевой Библии предисловія, переведенныя съ латинскаго, именно: а) л. 69 предисловіе на настоящую книгу (Библию) (въ Описаніи Синод. библіотеки, № 1, л. 3), б) обзорніе всѣхъ книгъ библейскихъ, нач.: «Все священное писаніе раздѣляется въ два завѣта (тамъ же,

л. 11), и в) оглавленіе книгъ, сущихъ въ Библии, — ихъ содержаніе (тамъ же, л. 5). Первыя двѣ статьи отпечатаны и въ Моск. Библии 1663 г. Въ Чудовской библіотекѣ въ особой рукописи, по нынѣшней описи № 284, XVII в., списаны руками справщиковъ типографскаго двора всѣ помѣщенные въ Геннадіевой Библии предисловія и оглавленія книгъ, какъ переведенныя вновь съ латинскаго, такъ и прежнія съ греческаго — на пророковъ изъ Теодорита и Епифанія, не исключая и извѣстной приписки, вошедшей въ нее (Геннадіеву Библию) изъ Уширева списка. Все это переписано, какъ видно, съ 3-го синод. экземпляра полной Библии (по прежн. каталогу № 30) и приготовлено было къ печатанію: потому что здѣсь по мѣстамъ встрѣчаются въ текстѣ кинноварныя поправки для печатанія, а иногда и критическія на полѣ замѣчанія, писанныя почеркомъ одного изъ типографскихъ справщиковъ, часто являющимся на оригиналахъ тогдашнихъ московскихъ изданій. Все списаніе, видно, имѣло связь съ печатнымъ тогда изданіемъ Библии по этому самому синодальному списку подъ № 3 (см. Описаніе синод. рукописей, отд. 1, стр. 4 примѣч. внизу). Тогда какъ сія рукопись такимъ образомъ также подтверждаетъ официальное употребленіе Геннадіевой Библии, списки книгъ, переведенныхъ съ латинскаго, показываютъ, что сіихъ книгъ не было извѣстно въ другомъ переводѣ, и въ означенныхъ знаменитыхъ книгохранилищахъ теперь рады были имъ, хотя бы въ томъ переводѣ съ латинскаго. Этотъ латинскій переводъ былъ употребляемъ и въ сочиненіяхъ слѣдовавшихъ за Геннадіемъ духовныхъ писателей. Въ половинѣ XVI в. извѣстный отенскій инокъ Зиновій, ученикъ преп. Максима Грека, опровергая рационалистическое ученіе Θεодосія Косова, въ книгѣ своей «Истинны показаніе, отпечатанной въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863—64 г., неоднократно приводитъ тексты изъ книги Премудрости Соломоновой, и всегда въ переводѣ съ латинскаго, согласно съ Геннадіевой Библией (слич. Описаніе Синод. библіотеки, отд. 2, ч. 3, № 270). Напр., въ главѣ 28 (Прав. Собес. 1864 г. февр., стр. 371—372) приводится Прем. 13, 10. 13—19, гдѣ ст. 13:

древо криво, сучія полно, *изрыетъ настоятельно по истощанію своему* (Вульг. *sculpat diligenter per vacuitatem suam*, греч. λαβών ἐγλύψεν ἐν ἐπιμελείᾳ ἐργασίας αὐτῆς), по уму его мастерства образуетъ то, и уподобить образу челоуѣчу, ст. 14 или нѣкоторому отъ животныхъ (*alicui ex animalibus*, ζῶν τινὲ ἐυτελεῖ), уподобить то, *прочертающе красками и червленая творящимъ баканы цвѣты того украсивъ его всяко*, ст. 17 и отъ существа своего и отъ сыновъ своихъ и отъ браковъ (*et de substantia et de filiis suis et de nuptiis*, περὶ δε κτημάτων καὶ γάμων) обѣты творяще и пр.; тамъ же на стр. 374 — гл. 14, ст. 16—19, въ ст. 17: издамача же имъ образъ ихъ (умершихъ царей) *изнесенъ* есть являющи образъ царевъ, егоже почитати хотяху... стр. 376, гл. 12, ст. 13—16, 22—24, 27, въ ст. 14: ниже царь, ниже тиронну (чит. тироннусъ, какъ въ синод. рукописи, лат. *tyrannus*) предъ тобою *взышутъ* (*inquirent*, ἀντοφθαλμῆσαι δυνήσεται) тѣхъ, ихъ же погубилъ еси..., ст. 22 егда *даеши намъ наказаніе* (*cum ergo das nobis disciplinam*, ἡμᾶς ἐν παιδείων) враги наша *многаци* (*multipliciter*, ἐν μυρίότητι) биеши... и егда о насъ *судится*...; на стр. 377, 378, гл. 13, ст. 1—9, въ ст. 1: суетни же вси челоуѣци (соотвѣтствующаго греческому φύσει въ латинскомъ нѣтъ)... и отъ сихъ *уже водится блага, не могоша уразумѣти его, уже есть* (*et de his, quae videntur bona, non potuerunt intelligere eum, qui est, καὶ ἐκ τῶν ὀρωμένων ἀγαθῶν ἐκ ἰσχυσαν εἰδέναι τὸν ὄντα*), ст. 2 или *воздвиженъ аеръ... или солнцу или лунѣ* (*aut citatum aerem, aut solem et lunam, ἢ ταχινὸν ἀέρα, ἢ φωσῆρας ἕρανῶ*), ст. 5 о величествѣ бо красотѣ познаниѣйши *мощи творецъ* сихъ видѣти (*a magnitudine enim speciei et creaturae cognoscibiliter poterit creator horum videri, ἐκ γὰρ μεγ εἶδος καὶ καλλονῆς κτισμάτων ἀναλόγως ὁ γενεσιουργὸς αὐτῶν θεωρεῖται*). Точно также ст. 1 и 5 читаются и въ гл. 29, печ. 1864, мар. стр. 412. Тамъ-же (февр. 1864), на стр. 383, приводится изъ гл. 14 стихи 12, 13, 15, 17, — послѣдній читается: *лучши бо есть сихъ (истукановъ) тои, кто ихъ почитаетъ* (*melior enim est ipse his, quos colit, κρείσων γὰρ ἐστὶ τῶν σεβα-*

σπάτων αὐτῆς); яко бо той живъ, *аще и будетъ смертенъ* (cum esset mortalis, на греческомъ соотвѣтствующихъ сему словъ нѣтъ), тѣже никогда же. Всѣ сии мѣста, очевидно, переведенныя съ латинскаго, буквально сходны съ Геннадіевымъ спискомъ Библии. Мѣста, приводимыя въ семь же сочиненіи Зиновіемъ изъ другихъ священныхъ книгъ по древнему переводу съ греческаго, изъ Пятокнижія, псалмовъ, пророковъ, Новаго Завѣта, также точно читаются и въ Геннадіевой Библии (см. Опис. отд. 2, ч. 3, стр. 326). Столь глубоко свѣдущій въ Св. Писаніи и начитанный Зиновій ужели бы и изъ Премудрости Соломоновой не привелъ текстъ въ древнемъ же переводѣ, если бѣ онъ былъ въ его время, а не въ этомъ латинскомъ темномъ и плохомъ переводѣ?

Что касается до древнихъ и лучшихъ переводовъ нѣкоторыхъ книгъ, яко бы ускользнувшихъ отъ руки собирателя Геннадія, и неудовлетворительности представленныхъ имъ — книги Псалтири, Есоири, Пѣсни пѣсней и Новаго Завѣта: то мысль рецензента объ этихъ лучшихъ переводахъ неосновательна и составила то по недоразумѣнію, то по преувеличенію и т. п. Прежде всего замѣтимъ, что рецензентъ, для облегченія своего, ограничиваясь одною Синодальною библіотекою (стр. 20), мнимо-лучшіе переводы сии указываетъ изъ той же области Синодальной библіотеки, изслѣдованіемъ которой и занимаются описатели, и по ихъ же собственному описанію, — какъ будто они сами не могли сего замѣтить, если бы дѣло дѣйствительно было такъ и клонилось къ ихъ обличенію! Это называется — платить долгъ капиталомъ самихъ кредиторовъ. Основательнѣе бы поступилъ рецензентъ и для науки было бы интереснѣе, если бы потрудился взять во вниманіе другія библіотеки и оттуда представить данныя въ опроверженіе выводовъ. Изъ Синодальной библіотеки онъ указываетъ (стр. 20) на пергам. *Псалтирь XIII в.* (по Описанію № 13), которая, не смотря на старость писца (!), выдержала тщательно древнѣйшій текстъ во всей его свободѣ и свѣжести, и упрекаетъ Геннадія, что онъ не воспользовался ея особенностями. Но въ Описаніи (отд. 1, стр. 62—63) замѣчено и показано, что

Псалтирь въ Геннадіевой Библии помѣщена съ древняго списка и содержитъ переводъ весьма древній, согласный съ текстомъ при толкованіи съ именемъ Аѳанасія Александрійскаго, переводъ коего относится къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности, также и съ текстомъ означенной Псалтири XIII в. Никакъ нельзя доказать, чтобы списокъ XIII в. дѣйствительно передавалъ во всей чистотѣ древнѣйшій текстъ. Изъ показанныхъ въ Описаніи (тамъ-же) особенностей его видно, что Чудовская Псалтирь съ толкованіемъ Θεодорита Кирскаго XI в. во многихъ случаяхъ согласна не съ нимъ, а съ текстомъ Геннадіевой Библии, хотя и въ этомъ списокѣ (XI в.) священный текстъ нельзя вполнѣ признать первоначальнымъ, ишедшимъ отъ славянскихъ просвѣтителей. Извѣстно, что списки книгъ библейскихъ, при единствѣ перевода, часто представляютъ одинъ противъ другаго частныя отличія въ языкѣ, переводѣ или чтеніяхъ (вариантахъ), показывающихъ издавна начавшіяся исправленія первоначальнаго текста или вольность переписчиковъ. Списокъ и древній можетъ быть неисправенъ и содержать поправки, а младшій—представлять текстъ въ древнѣйшемъ видѣ; въ одномъ мѣстѣ извѣстный списокъ передаетъ текстъ лучше другаго, въ другомъ—хуже и т. д. Г. Востоковъ замѣчаетъ то и другое, напр. о спискахъ древнѣйшаго перевода Пятюннихъ и пророковъ (Опис. Рум. музея, стр. 33—34, № XXVIII, XXIX). Въ такомъ случаѣ отъ собирателя трудно требовать, чтобы онъ избралъ тотъ или другой списокъ. Что касается до употребленнаго Геннадіемъ списка Псалтири, то мы думаемъ, что текстъ его даже преимуществуетъ предъ рекомендуемымъ ему списокомъ XIII в. Онъ представляетъ и древній и болѣе исправный переводъ, напр. въ тѣхъ самыхъ особенностяхъ, какія поставлены на видъ въ Описаніи (стр. 63—64). Въ списокѣ XIII в. Псал. 1, 4 кто же вскрываетъ вѣтръ (*ἐκρίπτει*—переводчикъ думалъ, что это глаголь *κρόπτω*), № 1—възмѣтаетъ (правильно понято отъ *ἐκ* и *ῥέπτω*); 67, 12 глѣ блговѣствующимъ (*ἐυαγγελιζομένοις*), № 1—блговѣствующимъ. Оба эти текста такъ точно, какъ у Геннадія, читаются и въ вышеозначенной Чудов-

ской Псалтири XI в. Въ пользу Геннадіева текста говоритъ и то, что при всѣхъ послѣдующихъ исправленіяхъ онъ удержался и доселѣ читается въ изданіяхъ. Приписавъ описателямъ предположеніе (объ исправленіи текста Псалтири самимъ Геннадіемъ), *) рецензентъ (стр. 21—22) пускается въ предположенія о незнаніи или неупотребленіи Геннадіемъ и сейчасъ помянутаго чудовскаго списка *Псалтири XI в.*, и другихъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ (какихъ именно, не показываетъ). Зналъ или не зналъ Геннадій означенную рукопись, это — вопросъ не важный; но какъ это была не Псалтирь собственно, а толкованіе на нее: то, когда у Геннадія былъ древній и прямой текстъ Псалтири, не слѣдовало ему обращаться къ толковому тексту, каковой, вѣроятно, и въ Новгородѣ былъ, и еще не въ одномъ спискѣ. Далѣе Геннадій упрекается въ неупотребленіи какого-то древнѣйшаго и лучшаго текста *книги Навина, Судей* и т. д. до *Царствъ* включительно, представляемаго будто-бы отдѣльнымъ синодальнымъ спискомъ сихъ книгъ по Описанію № 12. Но въ Описаніи (л. 180—181) сказано, что переводъ сихъ книгъ въ № 12 тотъ-же самый, что и въ Геннадіевой Библии. Весьма немногіе и не важные примѣры таковыхъ разностей (въ Описаніи представлено ихъ только четыре или вѣрнѣе три, потому что четвертый — явная ошибка писца) ничто не значатъ въ сравненіи со всѣмъ содержаніемъ и суть только частнѣйшіе отгѣнки, какіе, какъ замѣтили, обыкновенно являются въ спискахъ, если вполнѣ сличить одинъ съ другимъ. Что эти отличія не составляютъ какой нибудь особенной редакціи, а суть случайныя поправки, видно и изъ того, что въ чудовскомъ отдѣльномъ спискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ, XV в., подъ № 25 (по прежн. описи № 46), равно и въ академическомъ,

*) Описатели отнюдь не имѣли и нигдѣ не выразили такого предположенія, а разумѣли взятіе Геннадіемъ уже готоваго исправнѣйшаго текста. «Исправленія перевода въ спискахъ № 1—3 показываютъ»... — говорится о спискахъ, а не о дѣлѣ Геннадія. Такъ сказано въ Описаніи (л. 140) и о текстѣ Евангельскомъ: «текстъ Евангельскій сихъ списковъ весьма близокъ къ употребляемому нынѣ», хотя описатели (л. 284, 292) и самъ рецензентъ (л. 33) отнюдь не приписываютъ исправленіе его самому Геннадію.

инныя мѣста, приведенныя въ Описаніи, читаются по синод. списку № 12, а другія по Геннадіевой Библіи. Еще слабѣе указаніе рецензента (стр. 22) на книгу *Esouiri* въ № 12, происшедшее болѣе отъ недоразумѣнія. Въ ней, по замѣчанію описателей, три стиха 9-й главы, заключающіе книгу, переведены съ еврейскаго, а въ спискахъ Библіи—съ Вульгаты. Отсюда Геннадій упрекается, что не воспользовался текстомъ книги по № 12, какъ будто въ Описаніи не сказано, что текстъ ея здѣсь тотъ-же самый, что и въ спискахъ Библіи, и какъ будто при этомъ что нибудь значитъ разность только въ трехъ стихахъ (если рецензентъ не воображалъ болѣе) и вариантъ: староста вмѣсто тивунъ*)! Мы покажемъ естественную причину, почему сіи три стиха въ Геннадіевомъ спискѣ явились не въ томъ-же переводѣ съ еврейскаго, какъ вся книга. Геннадій хотѣлъ восполнить въ книгѣ еврейскій текстъ (свещ. критикою вообще признаваемый неполнымъ) тѣми прибавочными главами, какія находятся въ Вульгатѣ, равно и у LXX, а по открытіямъ Росси даже и въ нѣкоторыхъ еврейскихъ кодексахъ, и какія были принимаемы наравнѣ съ еврейскимъ текстомъ, какъ въ іудейской, такъ и въ христіанской церкви, и помѣщены, хотя не въ томъ порядкѣ, и въ нынѣшнемъ нашемъ изданіи Библіи (см. *Die heilige Schrift des Alten Testament, Deveser und Scholz, Frankfurt am Main, 1833, II Theil, Band 3, S. 213, Einleitung in das Buch Esther, § 4*). Такъ какъ означенными тремя заключительными стихами 9 главы (по евр. тексту) въ Вульгатѣ начинается 10 глава: то Геннадію, принявшему всѣ эти прибавочныя главы изъ Вульгаты, естественно было, оставя прежній переводъ сихъ стиховъ съ еврейскаго, вновь перевести ихъ съ латинскаго. Такое указаніе дополненія и переводъ его, хотя, по обстоятельствамъ, съ латинскаго, не лучше ли, напротивъ, поставить въ заслугу Геннадію, признанную и потомствомъ, поколику оно принято и въ печатный Библейскій текстъ, только въ

*) Въ помянутомъ чудовскомъ спискѣ, № 25, въ одномъ мѣстѣ въ строкѣ: староста, на полѣ: тивунъ, въ другомъ — на оборотъ.

переводѣ съ греческаго? Обвиняется также Геннадій, что не воспользовался переводомъ *Пѣсни пѣсней*, какой представляется въ синод. рукописи по Описанію № 17, XVI в., сдѣланнымъ прямо съ книги, а не извлеченнымъ изъ толкованія, какъ у Геннадія, и, по рецензенту, болѣе точнымъ и древнимъ, нежели тотъ. При этомъ рецензентъ поставляетъ на видъ еще какой-то особый, самостоятельный переводъ книги Пѣсни пѣсней, принятый острожскими издателями (стр. 22—23). Но рекомендуемый переводъ въ рукописи одъ № 17-мъ мало извѣстенъ по своему происхожденію и употребленію, тогда какъ въ древности обыкновенно является книга Пѣснь пѣсней съ толкованіемъ Филона или извлеченная изъ него. Кромѣ синодальнаго списка № 17, сборника № 579, XVI в. (см. Опис. Синод. библ., отд. 3, ч. 3, стр. 616), и вышепомянутаго супрасльскаго списка Библии 1507 г., мы нигдѣ не находимъ того перевода въ описанныхъ или извѣстныхъ намъ бібліотекахъ; а въ бібліотекѣ Чудова монастыря (№ 8), равно и Моск. историческаго Общества (отд. I, № 171, по Описанію Строева) находятся пергаментные списки Филонова толкованія, оба XIV в., или въ томъ-же Обществѣ (отд. I, № 189) бумажный списокъ XV в., а у Царскаго (по Описанію Строева № 579) XVII в., у Толстова (отд. I, № 62 и отд. II, № 267)—переводъ Скорины. Въ вышепоказанномъ списокѣ Библии г. Ундольскаго XV в., находящемся нынѣ въ Московск. музеѣ, послѣ того какъ въ ряду библейскихъ книгъ, между книгами Соломона (л. 269), написана была Пѣснь пѣсней съ толкованіемъ Филона Карпаційскаго, подъ конецъ списка (л. 449) помѣщена она же въ извлеченіи изъ сего толкованія съ отнятіемъ, хотя и не вездѣ, признаковъ заимствованія и кое-гдѣ съ поправками самаго перевода, хотя онъ имѣетъ тѣже опущенія цѣлыхъ стиховъ и реченій, кои показаны въ Описаніи (стр. 75). Спрашивается: за чѣмъ было нужно собирателю этой Библии снова помѣщать, а другимъ исправлять текстъ книги въ этомъ извлеченіи, если бы имѣлъ такую извѣстность, употребленіе и важность другой переводъ, указываемый рецензентомъ? Далѣе, этотъ указываемый переводъ отличается только большою

буквальностію, а по этому онъ темень и въ языкѣ представляетъ мѣстами странную смѣсь нѣкоторыхъ древнихъ словъ съ поздними и народными, какъ это можно видѣть и изъ приведенныхъ въ Описаніи примѣровъ (стр. 198—199). Ἀδελφιδός, выражающее любезность, — братецъ, не хорошо тамъ переводится 1, 12. 13. 15; 2, 3. 8. 10. 16. 17; 5, 1 и всегда брату-чадъ, т. е. племянникъ, лучше въ № 1—3—братъ. Приведемъ еще слѣдующій примѣръ 5, 13: челюсти его ꙗко чаша аромѣ, растѣще миротвореніе (σπαγόνες αὐτῆ ὡς φηταλιαὶ τῆ ἀρώματος, φύσσαι μυρεψικῆ), № 1—3—ланитѣ его ꙗко съсѣ^л вонь (арамѣ — другой переводъ того же слова) прозабаючи блѣговоніе. Отъ двойнаго перевода не свободенъ и рекомендуемый текстъ, какъ видно изъ конца книги 8, 14: ѿ оупо^юбиса сѣриѣ, ѿли птеи^{цѣ} ланія на горы аромѣ вонамъ (ἐπὶ τὰ ὄρη ἀρωμάτων). Въ подтвержденіе глубокой древности этого перевода, рецензентъ указываетъ (стр. 23) на сохранившіеся въ немъ какіе-то слѣды глаголицы: но какъ это раскрыть онъ хочетъ далѣе, то и мы до времени отлагаемъ замѣчаніе на эту странность. Допустивъ однако, хотя не рѣшительно, до Геннадіевскую древность перевода, мы можемъ согласиться съ рецензентомъ, что Геннадій могъ-бы воспользоваться нѣкоторыми мѣстами этого перевода, если бъ занимался пересмотромъ текста; но онъ, сказали мы, не былъ, и не могъ быть таковымъ рецензентомъ или издателемъ. Что касается еще третьяго, будто бы самостоятельнаго перевода, принятаго острожскими издателями, то мысль эту рецензентъ, не сдѣлавъ сличенія, не вникнувъ и въ представленныя въ Описаніи примѣры (л. 198—199), вывелъ, кажется, изъ неправильно имъ понятыхъ словъ описателей (л. 76): «Острожскіе издатели Библии передаютъ текстъ сей книги въ иномъ переводѣ съ греческаго, весьма близкомъ къ нынѣшнему славянскому». Но это значить не то, чтобъ они взяли какой-то еще особый переводъ, а то, что они, не буквально передавая (Геннадіевъ) переводъ (какъ сдѣлали съ текстомъ Псалтири, Опис., стр. 65), сами составили свой переводъ съ греческаго. Впрочемъ у нихъ при этомъ въ основаніи былъ тотъ-же Генна-

дѣвъ извлеченный изъ толкованія переводъ, такъ что, собственно говоря, они только исправляли и дополняли его, какъ это видно на каждомъ шагу. Въ острожскомъ изданіи буквально по № 1—3 читается (2, 13): смоквы (№ 1—3 смокы) *изнесе цвѣтъ* свой, винограды *зрюще* даша воню (ἡ συκῆ ἐξήνευγεν ὀλύνθους αὐτῆς, αἱ ἄμπελοι κυπρί(ζου)ν), № 17—сѣмоковница *издѣ* поупкы своя виногра^{дѣ} цвѣто^у даша воню; 5, 1, остр. по № 1—3: и да ясть (№ 1—3 *ѣжъ*) отъ плода *верха дубоваго*, № 17—краѣ вѣтвий его (*καρπὸν ἀχρῶδρῶν*); вышеприведенный по № 1 и 17-му 13-й стихъ въ острож. читается: ланиты его, яко *фіалы ароматъ* (исправлено), прозябающіи благовоніе, ст. 14 — руцѣ его *круль*, какъ и № 1—3 (*τορευταί*), № 17—стрыганѣ. За тѣмъ критикъ сдѣлалъ три замѣчанія о книгѣ *Премудрости Соломоновой*. Во-первыхъ изъ того, что въ томъ же синодальномъ спискѣ № 17 переводъ съ Вульгаты противъ № 1—3 представляетъ нѣкоторыя особыя объясненія латинскихъ словъ, онъ предполагаетъ, что можетъ быть переводъ сдѣланъ не самими составителями Геннадіевой Библии, но нѣсколько прежде и отдѣльно. Но хотя описатели и не утверждали прямо, чтобы книга Премудрости переведена была по волѣ Геннадія и выводы ихъ не страдаютъ отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса; однако они могутъ теперь замѣтить, что предъявленные прибавленія не даютъ еще права къ заключенію рецензента. Въ бывшемъ Погодинскомъ древлехранилицѣ (№ 9 и № 84) вышепомянутые списки книгъ, въ № 1—3 переведенныхъ съ латинскаго, и по времени и по всѣмъ другимъ отношеніямъ имѣющіе ближайшую связь со старшимъ спискомъ Библии № 1, въ таковыхъ объясненіяхъ латинскихъ словъ также имѣютъ противъ него, хотя очень рѣдко, то прибавки, то убавки, или же вариантъ перевода, поставленный въ № 1 на полѣ, принимаютъ въ текстъ, а слово текста выносятъ на поле. Съ другой стороны сдѣланная въ заключеніи книги Премудрости по № 1—3 выписка изъ Николая Лирана (Опис. стр. 79) даетъ поводъ думать, что книга переведена по волѣ Геннадія, какъ мы сказали, употреблявшаго сочиненія Лирана и противъ жидовствующихъ и помѣ-

стившаго подобную изъ Лирана выписку и въ заключеніи переведенной по его именно повелѣнію 2-й книги Маккавейской (Опис. стр. 129). Далѣе рецензентъ, замѣчая въ этой же книгѣ Премудрости пареміи, переведенныя съ греческаго, говоритъ, что Геннадій могъ бы избѣгать перевода съ латинскаго, по крайности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, еслибъ обратился къ паремьямъ. Отвѣчаемъ: въ списокѣ помѣщены только три небольшія пареміи въ порядкѣ стиховъ: первая—5, 15—6, 3; вторая: 3, 1—9; третья: 4, 7—15, да двѣ пареміи составлены изъ разныхъ отдѣльныхъ стиховъ и полустижій, первая: 4, 1. 14; 6, 11. 18. 21—23; 7, 15. 16. 21. 22. 26. 27. 29; 10, 9. 10. 12; 2, 1. 10—17. 19—22 и вторая: 4, 7. 16—20; 5, 1—7. (Опис. стр. 196—197). Изъ всего этого велико ли было бы приобрѣтеніе для переводчика и какого стоило бы труда ему въ XV в., при неимѣніи симфоній или Библии съ показаніемъ стиховъ, разбирать по отделькѣ всѣ эти стихи и опредѣлять положеніе ихъ въ цѣлой книгѣ, и какая была бы пестрота и какое смѣшеніе языковъ, еслибы въ одной главѣ два, три или одинъ стихъ и даже полустижіе переведены были съ греческаго, потомъ столько же съ латинскаго, потомъ опять съ греческаго и т. д.! Наконецъ въ упрекъ Геннадію рецензентъ замѣчаетъ: «Острожское изданіе здѣсь (въ книгѣ Премудрости) исполнило долгъ свой, сообщивъ переводъ съ греческаго». Какъ сей долгъ былъ исполненъ и какъ при этомъ не лишнимъ оказался и переводъ Геннадія, приводимъ слова Описанія, которыя могъ видѣть и самъ рецензентъ, сдѣлавшій такое замѣчаніе (Опис. стр. 79): «У острожскихъ издателей находится иной переводъ книги Премудрости съ греческаго, но они пользовались и переводомъ списковъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ греческому тексту, но иногда и тамъ, гдѣ по Вульгатѣ уклоняется отъ него» (приводятся примѣры). Наконецъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ рецензентъ касается текста и *книгъ пророческихъ*, хотя такъ древенъ и хорошъ текстъ ихъ въ Геннадіевомъ собраніи, такъ удачна была мысль извлечь его изъ толкованія, извѣстнаго у насъ уже въ списокѣ 1047 г. «Одинъ сино-

дальный списокъ по Описанію № 19, XVI в.,—говоритъ онъ также въ упрекъ Геннадію (стр. 23),—содержитъ въ себѣ переводъ съ греческаго нѣсколькихъ главъ, взятыхъ Геннадіемъ въ переводѣ съ латинскаго». Ничего такого нѣтъ. Рецензентъ не понялъ сказаннаго объ этомъ списокѣ въ Описаніи, и — выразилъ такую странность. Въ Описаніи (л. 208) сказано: «Переводъ (книгъ пророческихъ въ № 19) тотъ же, какой и въ полныхъ спискахъ Библии, за исключеніемъ главъ, переведенныхъ въ сихъ спискахъ съ латинскаго». «За исключеніемъ главъ» очевидно значитъ, что главъ сихъ вовсе нѣтъ въ списокѣ, а не то, чтобъ сіи главы были въ томъ же переводѣ съ греческаго, а не съ латинскаго, какъ вообразилъ рецензентъ. Извѣстно, что въ спискахъ Библии переводъ пророковъ заимствованъ изъ толкованія, имѣющаго пропуски нѣкоторыхъ главъ и стиховъ. Откуда же могли взяться въ № 19 сіи главы, на которыя не было и толкованія? Не далѣе какъ о предъидущемъ списокѣ (стр. 203) замѣчено, что въ немъ вовсе нѣтъ сихъ главъ, потому, что нѣтъ ихъ при толкованіи. Тоже говорится и объ этомъ списокѣ № 19. Еслибъ сверхъ чаянія встрѣтились означенныя главы въ списокѣ № 19 въ древнемъ же, какъ и прочіе, или и другомъ какомъ переводѣ съ греческаго: то описатели ясно бы выразили такую замѣчательность и самый переводъ не оставили бы безъ объясненія. За тѣмъ, эту мнимую особенность — переводъ тѣхъ главъ съ греческаго — рецензентъ навязываетъ, уже совершенно непонятнымъ для насъ образомъ, и предъидущему списку № 18, тогда какъ о немъ на показанной страницѣ, съ означеніемъ недостающихъ въ толкованіи главъ, прямо сказано, что «нѣтъ ихъ въ текстѣ, потому что ихъ нѣтъ и при означенномъ толкованіи». Дѣйствительныя же особенности этого списка, нѣкоторыя «любопытныя» чтенія, встрѣчающіяся и въ острожскомъ изданіи, рецензентъ признаетъ заимствованными въ изданіи изъ этого списка и упрекаетъ Геннадія, что онъ не воспользовался таковыми чтеніями. Не споря въ томъ, что въ рукописи означенные варианты списаны съ острожскаго изданія, мы можемъ согласиться съ рецензентомъ, что наоборотъ изданіе взяло

ихъ изъ сей рукописи. Рукопись, судя по смѣшанному употребленію въ ней юсовъ и обыкновенно ѵ вмѣсто љ, должна быть южнаго происхожденія, можетъ быть лѣтами и ранѣе 1581 года, а потому острожскіе издатели, для своего дѣла тщательно искавшіе списковъ и на югѣ, могли имѣть ее подъ руками. Что же касается Геннадія, то а) списокъ № 18 и подобные ему могли и не попасть въ руки Геннадія или по мѣсту происхожденія ихъ—на югѣ, или по времени—позже самого Геннадія, и б) еслибъ Геннадій и имѣлъ возможность приобрѣсть списокъ № 18, то примѣромъ острожскихъ издателей не слѣдуетъ упрекать его въ неупотребленіи вариантовъ сего списка; вариантовъ въ немъ, какъ видно изъ Описанія, очень немного, и они по своей одинокости, а иногда и странности, таковы, что ввести ихъ въ текстъ, какъ сдѣлали острожскіе издатели, въ замѣнъ настоящаго чтенія, неудобно. Если въ Описаніи названы они «болѣе или менѣе замѣчательными», то именно по этой особенноти и странности ихъ. Не явная ли напр. въ нихъ ошибка перевода, Іезек. 10, 10: Ѡбличіе ѿ четыреѣ (ὄμοιορα ἐν τοῖς τέσσαρσιν), когда числительное ἐν принято за предлогъ ἐν? Потому-то у насъ какъ Петровскіе, такъ и Елисаветинскіе исправители, съ гораздо большими пособіями противъ острожскихъ, не приняли ни одного изъ этихъ вариантовъ. И самыя острожскіе издатели приняли оныя совершенно случайно, потому что въ текстѣ пророковъ они вообще рабски слѣдовали московскому списку Библии (Опис. стр. 91, 98, 107, 111, 123).

Приступая къ новозавѣтнымъ книгамъ, рецензентъ сперва, какъ бы по винѣ Геннадія, подвергаетъ униженію и все древнее духовенство русское, черное и бѣлое, и возвышаетъ передъ нимъ народъ и общество (стр. 24). Изъ приписокъ на синодальныхъ рукописяхъ писцовъ, закащиковъ, вкладчиковъ и владѣтелей онъ заключаетъ, что сіи рукописи (преимущественно Св. Писанія) «привлекали вниманіе и были въ употребленіи людей отнюдь не какого нибудь избраннаго кружка, а всѣхъ слоевъ народныхъ безъ различія и ограниченія ни званіемъ, ни состояніемъ, ни поломъ, и что тотъ ошибается и напрасно думаетъ оказать услугу

древней Руси, кто источникъ ея духовно-нравственной образованности выводитъ изъ однихъ монастырей и одного духовенства, какъ думаютъ (по словамъ самого рецензента) между прочимъ и некоторые знатоки нашей исторіи». Отнюдь не отвергая въ древней Руси образованія, такъ сказать, церковнаго и духовнаго, мы естественно тогдашнее общество представляемъ въ соприкосновеніи и зависимости отъ церкви и духовенства; но не согласны въ этомъ отношеніи дать преимущество предъ духовенствомъ народу и обществу. И всякій можетъ видѣть какъ слабы, натянуты и туманны у рецензента доказательства этой странности, болѣе нанесенной, какъ мы думаемъ, повѣтріемъ 1857 и слѣдующихъ годовъ; которое теперь, слава Богу, уже ослабѣваетъ... Мы обратимъ вниманіе сперва на означенныя приписки, будто бы показывающія всеобщее распространеніе книжнаго духовнаго образованія въ древней Руси. 1) Эти приписки взяты изъ всего періода славяно-русской письменности, отъ XI вѣка до XVIII, а не ограничены временемъ Геннадія или близкимъ къ нему, и потому не удивительно, что на такомъ огромномъ пространствѣ встрѣтятся много именъ изъ разныхъ сословій, имѣвшихъ какое нибудь отношеніе къ памятникамъ духовной литературы. 2) Изъ приведеннаго по припискамъ перечня сословій нужно исключить: а) дьяковъ и писцовъ, какъ только скрѣплявшихъ или писавшихъ рукописи для другихъ; б) старость церковныхъ, какъ только закащиковъ, а не владѣтелей рукописей; в) кожевниковъ, пивниковъ и плотниковъ, потому что слова: мастера коживнѣ и пивнѣ и плотнѣ значатся не на спискѣ Апостола (по Описанію № 46), а на одномъ изъ трехъ, приклеенныхъ къ нему, столбцовъ помянника, каковыя всякій православный подавалъ въ церковь, и при томъ, какъ видно, выражаютъ не трехъ разныхъ мастеровъ, а одного, совмѣщавшаго всѣ три ремесла (Опис. стр. 297). Остаются за симъ только одни духовныя, царскія и другія знатныя и богатыя лица, неизвѣстный по прозвищу садовникъ и крѣпостной человекъ XVII вѣка (Опис. стр. 189, 273). 3) Большая часть изъ означенныхъ въ припискахъ лицъ были только вкладчики церковныхъ и

духовныхъ книгъ въ церкви и монастыри, до изобрѣтенія книгопечатанія побуждавшіяся къ тому настоятельными нуждами церквей и просьбами священнослужителей. Въ этомъ случаѣ сами же церкви и монастыри были источниками, а духовныя лица указателями къ списыванію книгъ. Съ этой же предзанятой точки зрѣнія о всенародномъ образованіи рецензентъ старается объяснить большинство списковъ *апракосовъ* предъ четвероевангеліями или тетрами до XV в., выводимое описателями «изъ удобства *апракосовъ* для церковнаго употребленія». Что *апракосы* столько же были распространены въ домашнемъ употребленіи для душевнеспасительнаго чтенія, какъ и въ церковномъ при богослуженіи, рецензентъ (стр. 26), по указанію Описанія (стр. 289), ссылается на Румянцовскій музей, гдѣ ихъ въ періодѣ отъ XII до XIV в. представляется 12 списковъ, а тетроевангеліе только одно. Какъ будто Румянцовскій музей, въ противоположность Синодальной бібліотеки, есть прямой представитель мірскихъ рукописей и народнаго образованія! Извѣстно, что въ частныя собранія и публичныя бібліотеки вошло много собственно церковныхъ книгъ. Всѣ церкви въ Россіи до изобрѣтенія книгопечатанія довольствовались рукописными книгами; между тѣмъ въ церквахъ ихъ теперь почти вовсе нѣтъ. Куда онѣ попали, какъ не въ означенныя собранія? Это, при извѣстномъ стараніи, какъ говорятъ, схоронить концы, подтверждается многими удѣлѣвшими подписями на рукописяхъ какъ прочихъ собраній, такъ и Румянцовскаго. Изъ числа 13 рукописей, шесть являются здѣсь съ подписями, по которымъ онѣ приложены были въ разныя церкви духовными лицами и князьями—№ 104, 105, 106, 108, 112, 114. Таковы же могли быть многія изъ Евангелій и не подписанныхъ, или утратившихъ подписи. Когда такимъ образомъ оказывается несостоятельнымъ самое положеніе о *преимущественномъ*, какъ говоритъ рецензентъ, распространеніи *апракосовъ* въ народной жизни, чѣмъ въ церковномъ употребленіи, нѣтъ нужды разбирать намъ и дальнѣйшее у него объясненіе этого мнимаго явленія (стр. 27—28). Здѣсь мы замѣтимъ только слѣдующее. *Апракосы* ставятся въ параллель

нѣкоторымъ ветхозавѣтнымъ книгамъ, текстъ которыхъ съ толкованіемъ, какъ яснѣйшій, по Описанію (стр. 135), чрезъ частное употребленіе болѣе распространился, чѣмъ чистый текстъ безъ толкованія. «Стало быть, замѣчаетъ рецензентъ, не по употребленію одного духовенства, а по употребленію всеобщему и народному наиболѣе онѣ распространились и сохранились, и стало быть отъ этого же зависѣло и наибольшее распространеніе списковъ Евангелія недѣльнаго». Но кому болѣе интересно и нужно знать смыслъ священныхъ книгъ, — ужели болѣе народу, нежели духовенству, и не въ монастыряхъ ли и не для нихъ ли списывались толкованія? Это частное употребленіе таковыхъ книгъ ближайшимъ образомъ у духовенства и въ обителяхъ и разумѣли описатели. Но рецензентъ, превратно употребивъ здѣсь мысль Описанія въ свою пользу, далѣе (стр. 51) совсѣмъ ее отвергаетъ и осмѣиваетъ! Отъ того же народного употребленія производятся (стр. 29) и списки *четвероевангелія*, или расположенные по порядку евангелистовъ, — и здѣсь рецензентъ, противорѣча самому себѣ, предъидущимъ своимъ положеніямъ, меньшинство ихъ въ сравненіи съ апракосами до XV в., вслѣдъ за Описаніемъ, объясняетъ тѣмъ, что они были въ употребленіи *народномъ* и частномъ, но не составляли необходимости для храма и службы; и слѣдовательно большинство апракосовъ производитъ отъ употребленія церковнаго. При этомъ мы должны объяснить, что если въ Описаніи тетроевангеліямъ приписывается болѣе частное употребленіе, то опять разумѣется отнюдь не какое нибудь народное, какъ толкуетъ рецензентъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально св. Кирилломъ переведено Евангеліе для чтенія церковнаго, апракосное; но страннихъ же лѣтъ вѣра и любовь къ Спасителю, находя эти чтенія не всегда въ хронологическомъ или употребляемомъ евангелистами порядкѣ и не въ надлежащей полнотѣ повѣствованія, могли требовать для надлежащаго и полнѣйшаго обозрѣнія жизни и ученія Спасителя перевода Евангелій въ томъ подлинномъ видѣ, какъ они вышли изъ рукъ богодухновенныхъ повѣствователей. При этомъ былъ пересмотрѣнъ, дополненъ и приведенъ въ надлежащій

порядокъ евангелистовъ прежній переводъ апракосовъ,— и тако-
вой трудъ Шафарикъ предположительно усвоитъ ученикамъ
Кирилла и Меодія, Клименту или кому либо изъ его товарищей
(Извѣстія Академіи Наукъ, т. I, стр. 388, выписку см. ниже). Во
всякомъ случаѣ очевидно, что таковая мысль принадлежала если
не самимъ славянскимъ первоучителямъ, то предстоятелямъ и па-
стырямъ юной церкви славянской,— и чтеніе Евангелій, по изло-
женію самихъ евангелистовъ, прямо требовалось правилами древ-
няго иночества; потому въ тетрахъ обыкновенно и встрѣчаются
размѣтки по днямъ для келейнаго иноческаго чтенія (Опис. стр.
291). Съ другой стороны тетры, какъ мы сказали, принявшіе
переводъ тѣхъ же апракосовъ, подобно симъ, скоро вошли и въ
церковное употребленіе. Потому для этого употребленія въ тет-
рахъ часто показываются зачала, первыя и послѣднія слова, какъ
начинать и оканчивать чтеніе и гдѣ нужно преступить, часто так-
же въ нихъ читаются записи о вкладыахъ въ церковь, какъ напри-
мѣръ въ мнимо-мірскомъ Румянцовскомъ собраніи въ тетрахъ
подъ № 122, 124, 126, 127, 131, 132, 135, 141, то есть по-
чти сплошь. И самыя старшіе глаголическіе списки тетроеванге-
лій, Григоровича XI—XII в. и Зографское XII в. (Извѣстія
Академіи Наукъ, т. I, стр. 88, 340),—какихъ-то X-го вѣка спи-
сковъ, упоминаемыхъ рецензентомъ, мы не знаемъ!—имѣли цер-
ковное назначеніе или употребленіе (Срезневскаго, Древніе гла-
голическіе памятники, Сиб. 1866, стр. 93, 117).

Обратное явленіе — размноженіе тетровъ сравнительно съ
апракосами съ XV в., описатели объясняли (стр. 289 и слѣд.): а)
порчею текста апракосовъ при частыхъ списываніяхъ и произ-
вольныхъ исправленіяхъ, которая, вѣроятно, и побудила св. Алек-
сія митрополита сдѣлать вновь переводъ всего Новаго Завѣта; б)
большею цѣлостію и исправностію текста въ тетрахъ, пересмо-
трѣннаго въ Константинополь и распространившагося въ южныхъ
славянскихъ странахъ, съ предисловіями Теофилакта болгарскаго.
При этомъ дано мѣсто и помянутому употребленію тетроеванге-
лій въ иноческихъ обителяхъ. Но рецензентъ и это явленіе ду-

маеть вывести изъ какихъ-то нуждъ (самимъ не обозначенныхъ), обстоятельствъ и судьбъ *народа* (стр. 29). При чемъ на основаніи непростительнаго промаха онъ извращаетъ мысль описателей о переводѣ Алексія митрополита *) и распространеніе у насъ тетровъ опредѣлительно производитъ *изъ Валахїи и Молдавіи*, превознося ихъ въ разсужденіи православія и просвѣщенія. Предоставляемъ судить это инымъ, а сами замѣтимъ слѣдующую за симъ, также оригинальную, мысль рецензента, будто по происхожденію изъ этой страны—Молдавіи—и отличію тамошней письменности отъ древнеболгарской и заподозрѣно было и совсѣмъ запрещено патриархомъ Филаретомъ Четвероевангеліе (въ Описаніи подъ № 37), писанное въ 1537 г. Совсѣмъ иное говоритъ записка или справка объ этомъ спискѣ, буквально приведенная въ Описаніи (стр. 275). Наконецъ и въ спискахъ *Апостола*, по рецензїи, также преимуществуетъ употребленіе *народное* (л. 33 и слѣд.). Уступая церкви одинъ только недѣльный или, какъ Евангелія апракосы, по днямъ расположенный Апостоль, составитель рецензїи ко всеобщему употребленію народа относитъ толковый Апостоль и полный или въ томъ видѣ, соотвѣтственномъ тетроевангеліямъ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ св. апостоловъ. При этомъ полагаетъ, что прежде всѣхъ самими славянскими первоучителями переведенъ Апостоль недѣльный; потомъ въ слѣдъ за нимъ, въ *первое же время славянства*, для уразумѣнія народнаго, — толковый, представителемъ коего является синодальный списокъ XIII в.; равно-временно съ симъ или немного позднѣе Апостоль полный, исключительно нужный для народнаго употребленія, появившійся въ то

*) Именно до XV в. онъ считаетъ три четвероевангелія въ Синод. библиотекѣ (второе между ними — писанное при св. Алексїи митрополитѣ, изъ описанія котораго дѣлаетъ и выписку относительно престопадныхъ въ немъ оборотовъ; но это совсѣмъ не тетръ, а апракосъ — въ Описаніи подъ № 25, стр. 223, слич. 253, 254) и за тѣмъ говоритъ, что изслѣдователи, *судя по этому памятнику* (!), *приписываютъ даже самому Алексію митрополиту* мысль занятьсь вновь переложеніемъ всѣхъ книгъ новозавѣтныхъ. Мы не приписывали съ какимъ нибудь предположеніемъ и натяжкою святителю этотъ трудъ, а прямо передавали его, какъ фактъ историческій, объясняя происхожденіе его (Опис. стр. 290).

время, когда народъ, привыкшій къ чтеніямъ недѣльнаго Апостола во храмѣ и при службѣ и достаточно уже дома вникнувшій въ его смыслъ съ помощью Апостола толковаго, постепенно созрѣлъ умомъ и вѣрующимъ сердцемъ, чтобъ списывать и употреблять Апостоль полный, безъ примѣненія ко днямъ и праздникамъ, въ текстѣ отдѣльномъ отъ толкованія. Не будемъ повторять сказаннаго уже выше и всякому очевиднаго, что забота о Свящ. Писаніи и о уразумѣніи его долженствовала быть и была ближайшею и задушевною прежде всего пастырямъ и учителямъ церкви, слѣдовательно духовенству, а не народу; обратимъ вниманіе на время появленія въ переводѣ означенныхъ трехъ видовъ Апостола. Что первоначально переведенъ недѣльный Апостоль, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Что въ слѣдъ за нимъ явился толковый Апостоль, рецензентъ выводитъ изъ того, что въ помянутомъ спискѣ его XIII в., по указанію Описанія, священный текстъ переведенъ не вмѣстѣ съ самимъ толкованіемъ, но взятъ уже готовый, задолго до него бывшій и, по словамъ рецензента, восходящій къ первому времени славянства. Странно: да это самое и должно служить знакомъ, что переводъ толковаго Апостола не современенъ съ переводомъ свящ. текста, или сдѣланъ не въ слѣдъ за нимъ, а гораздо позже его. Еслибъ онъ былъ современенъ, то такой разности, какая здѣсь бросается въ глаза, въ переводѣ толкованія и текста не оказалось бы: современный переводчикъ толкованія употребилъ бы тѣже формы, слова и способъ переложенія, какіе въ текстѣ, или близкіе къ нимъ. Но поздній, освободивъ себя отъ перевода текста, приставилъ существовавшій до него переводъ въ заголовкѣ отдѣленій; и какъ въ самомъ толкованіи нерѣдко приводились и слова текста, то онъ самъ переводилъ ихъ совсѣмъ иначе, нежели какъ они стоятъ въ заголовкѣ, чрезъ это и обнаруживается заимствованіе имъ готоваго, древняго перевода. Частнѣйшее изслѣдованіе о переводѣ сего толкованія въ параллели съ текстомъ, помѣщенное во 2-й книгѣ Описанія синод. рукописей, или составляющей первую часть 2-го отдѣла (стр. 146 и слѣд., 153, 161 и слѣд., 166), показываетъ и поздній языкъ,

и недостатки перевода. Тоже самое, что въ толковомъ Апостолѣ, замѣчается въ словахъ св. Григорія Богослова съ толкованіемъ Никиты Ираклійскаго, гдѣ также текстъ Григорія взятъ древній, а переводъ самаго толкованія гораздо позднѣе его (см. Описаніе синод. рукописей отд. 2, часть 2, стр. 74—75). Что касается полнаго Апостола, то по такому же отношенію его къ недѣльному, какое находится между Евангеліями апракосами и тетрами, скорѣе можно думать, что тѣже вышеозначенныя побужденія, вызвавшія четвероевангеліе, вызвали, можетъ быть единовременно или вскорѣ, и полный Апостолъ, то есть въ раннія еще времена, прежде толковаго Апостола. Шафарикъ дѣйствительно переводъ или рецензію четвероевангелія и полнаго Апостола относитъ къ одному времени и даже къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Онъ говоритъ, что вѣроятно Климентъ или кто нибудь изъ его товарищей — Наумъ, Ангеларъ, Савва или Гораздъ — принесъ (первоначальный) переводъ чтеній Евангелія и Апостола (недѣльныхъ) въ Болгарію, занялся здѣсь довершеніемъ его, снова пересмотрѣвъ то, что уже было переведено, и, приведши въ порядокъ *четыре Евангелія и Посланія*, съ дополненіемъ недостававашаго, переодѣлъ кириллицу въ глаголицу (Записка Шафарика О глагольской письменности, въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ, т. I, стр. 388). Чтеніе полнаго Апостола также требовалось келейнымъ правиломъ въ обителяхъ (см. въ Описаніи № 51, стр. 322). Надобно впрочемъ сказать, что древнихъ списковъ полнаго Апостола намъ неизвѣстно.

Доселѣ мы говорили на вводную мысль рецензента, такъ возвышающаго народъ въ употребленіи рукописей евангельскихъ и апостольскихъ. Возвратимся теперь къ дѣлу Геннадія. Рецензентъ, передавая вкратцѣ и съ своей точки зрѣнія замѣчанія описателей о текстѣ древнихъ до XV в. Евангелій и Апостоловъ недѣльныхъ (стр. 32, 37, 38), упрекаетъ Геннадія, что онъ не воспользовался симъ текстомъ, а употребилъ другой, болѣе принятый въ его время. Скажемъ сперва, что при этомъ и подобныхъ упрекахъ XV вѣкъ, притомъ у насъ на Руси, воображается въ та-

комъ же научномъ положеніи, при такихъ же ученыхъ требованіяхъ и средствахъ, какъ нынѣшній. Но если и возложить на Геннадія обязанность редактора текста или издателя, означенный выборъ его заслуживаетъ не порицанія, а напротивъ одобренія. Текстъ въ древнихъ спискахъ недѣльныхъ такъ былъ разнообразенъ въ вариантахъ (*lectiones*) и переводѣ, варианты эти иногда были такъ одиноки и исключительны, поправки въ переводѣ такъ произвольны и странны, списки такъ противорѣчили одинъ другому и сами себѣ, что трудно было изъ этого хаоса извлечь хорошій текстъ и выйти изъ него благополучно. Потому-то, — замѣтили описатели (стр. 290); — святитель Алексій лучше рѣшился вновь перевести весь Новый Завѣтъ, чтобъ исправить распространившееся поврежденіе и дать тексту надлежащую прочность. Но Геннадій въ семъ случаѣ поступилъ очень хорошо, и примѣръ его въ судьбѣ новозавѣтнаго текста у насъ русскихъ и соображающихся съ нами славянъ имѣлъ весьма великое значеніе и далъ (не касаясь латинскаго элемента) этому дѣлу лучшій оборотъ. Геннадій избралъ текстъ, въ отношеніи и вариантовъ и перевода, лучшій и опредѣленнѣйшій, нежели у самаго святителя Алексія, текстъ исправленный въ Константинополѣ, и можетъ быть еще на Аѳонѣ, текстъ, выдержавшій испытанія и острожекихъ издателей и Петровскихъ съ Елисаветинскими исправителей, и вошедшій, съ немногими перемѣнами, въ наши изданія. Достоинство же нашего печатнаго общепринятаго текста (хотя не во всѣхъ отношеніяхъ) опредѣляется сличеніемъ съ лучшими на западѣ изданіями подлиннаго текста и тамошними переводами. Эти изданія греческаго текста на западѣ, такъ тщательныя, съ вариантами изъ всѣхъ его (текста) документовъ и оцѣнкою ихъ, даютъ намъ возможность судить о достоинствѣ или маловажности и одинокости чтеній и въ нашихъ славянскихъ спискахъ и открывать иногда чистый произволь и личное разумѣніе непризванныхъ исправителей. А рецензентъ слишкомъ интересуется оригинальными чтеніями, не принятыми Геннадіемъ, и на замѣчанія вольныхъ поправокъ дѣлаетъ описателямъ вопросъ, отзывающійся столько же

недовѣріемъ, сколько и невѣдѣніемъ: «почемъ знать (что онѣ не взяты съ греческаго)»? — какъ будто оригинальность чтеній и составляетъ достоинство, и требуется намъ текстъ съ такими чтеніями, какихъ нигдѣ и слѣдовъ нѣтъ!

Въ слѣдующемъ за симъ перечнѣ сдѣланныхъ доселѣ возраженій (стр. 39—43), на которыя отвѣты съ нашей стороны даны, дѣло Геннадія подрывается также и тѣмъ, что это было не общественное дѣло, не сопровождаемое соборомъ, ни народнымъ, ни церковнымъ (опять народъ выше церкви!), ни какимъ либо опредѣленіемъ, а вполнѣ личное и частное дѣло, не имѣвшее послѣдствій, ни извѣстности, подобно какъ и всякое другое таковое дѣло. Положимъ, мы согласны, что предпріятіе Геннадія собрать полную Библію было его частное, личное дѣло, безъ побужденія и участія со стороны правительства и общества; но чрезъ это тѣмъ болѣе возвышается мысль и заслуга Геннадія, одушевляемаго только собственною ревностію. И видно, что онѣ настойчиво преслѣдовалъ свою цѣль, по своему положенію сносаясь въ этомъ случаѣ съ владыкою ростовскимъ и, конечно, со многими другими лицами и употребляя средства (напр. къ новому переводу многихъ книгъ), далеко превышающія силы и значеніе простаго частнаго лица. А какія важныя послѣдствія имѣло это дѣло, какъ употребляло правительство Геннадіеву Библію и какъ пользовались ею острожскіе и московскіе издатели и исправители, какъ она легла въ основаніе нашей нынѣшней печатной Библии, это мы уже показали, равно какъ и то, что сами иностранцы (Добровскій и др.) признавали заслугу Геннадія (см. выше стр. 10 и слѣд.). Потомъ, несправедливо (какъ отчасти и видѣли) приписывая самому Геннадію нѣкоторыя исправленія текста, рецензентъ замѣчаетъ иногда неудачу ихъ, а еще болѣе укоряетъ Геннадія за неисправный выборъ текста нѣкоторыхъ книгъ изъ толкованія, съ присоединеніемъ самаго толкованія или со вставками, нарушающими смыслъ, за употребленіе Вульгаты и за переводъ даже съ нѣмецкаго. О послѣднемъ скажемъ ниже; вину же неисправнаго выбора текста, какъ это замѣчается въ старшемъ спискѣ Библии, заказанномъ новго-

родскимъ архидіакономъ, нельзя возлагать на самого Геннадія. Архіепископъ приказалъ только сдѣлать выборъ, а дѣлали его архидіаконъ или другія намъ неизвѣстныя лица, и указанныя странности этихъ послѣднихъ, т. е. что они не отличили и не отдѣлили толкованія отъ текста, можно объяснять и извинять неизвѣстностію для нихъ свящ. текста, при несуществованіи или утратѣ тѣхъ библейскихъ книгъ въ чистомъ переводѣ безъ толкованія. Не имѣя у себя никакого указателя или мѣрила въ этомъ случаѣ, они должны были принимать за священный текстъ все то, что было писано киноварью или отмѣчено запятыми, чѣмъ у древнихъ писцовъ означалось лежащее или текстъ истолковываемый; а извѣстно, что древніе писцы въ этомъ случаѣ не всегда были точны и полагаться на нихъ нельзя: киноварное письмо и запятыя нерѣдко простиралась и на слова толкованія. Такимъ образомъ это смѣшеніе текста съ толкованіемъ, объясняемое неизвѣстностію самаго текста, отчасти еще подтверждаетъ выводы описателей.

У Геннадія отнимается и та заслуга, что онъ собралъ *полную* Библію (стр. 43 и слѣд.). Рецензія не признаетъ за Геннадіевымъ собраніемъ ни количественной, ни качественной полноты. Въ первомъ отношеніи потому, что въ немъ не достаетъ третьей книги Маккавейской. Недостатокъ сей, скажемъ мы, какъ и предъидущій, объясняется и извиняется именно тѣмъ, что книги Маккавейскія, первая и вторая, переведены по повелѣнію Геннадія съ Вульгаты, а въ Вульгатѣ и ни въ одномъ изъ латинскихъ списковъ и изданій, равно какъ въ польскихъ и другихъ, кромѣ LXX, нѣтъ третьей книги Маккавейской, которая потому латинянами и не признается принадлежащею къ библейскому кодексу. Отсюда однако никто не отказываетъ въ полнотѣ ни Вульгатѣ, ни польскимъ и другимъ Библіямъ. Въ отношеніи къ качественной полнотѣ рецензентъ спрашиваетъ: развѣ мы видимъ, что собраніе Геннадія дополнило ихъ (прежніе списки библейскихъ книгъ) книгами главнѣйшими и существеннѣйшими? Развѣ можно считать существеннымъ дополненіемъ Свящ. Писанія нѣсколько книгъ, внесенныхъ Геннадіемъ, и пр.? Собственно для незнаю-

щихъ объяснимъ дѣло: всѣхъ книгъ ветхозавѣтныхъ въ священномъ канонѣ считается 33; выбравъ книги изъ прежнихъ отдѣльныхъ списковъ и соединивъ въ одно, Геннадій присовокупилъ къ нимъ въ новомъ переводѣ съ латинскаго *четыре* книги каноническихкія—1 и 2 Паралипоменонъ, Ездры и Неемін—и *семь* неканоническихкихъ, употребляемыхъ всею церковію, но не столь важныхъ, какъ каноническія—Товіи, Юдѣи, Премудрости Соломоновой, 2 и 3 книги Ездры и двѣ книги Маккавейскія. Уже ли это число не имѣеть значенія, не говоря о томъ, что Геннадій, извлеки текстъ многихъ другихъ книгъ изъ толкованія, всѣмъ этимъ далъ бытіе полному списку Библии, о которомъ прежде никто и не думалъ? И замѣтимъ, какъ несправедливъ и непослѣдователенъ рецензентъ въ своемъ приговорѣ: въ количественномъ отношеніи недостатокъ одной книги признается важнѣйшимъ и нарушающимъ цѣлость, а въ качественномъ ни во что ставится восполненіе цѣлыхъ 11 книгъ, изъ коихъ четыре даже принадлежали къ каноническимъ! Не будемъ разбирать изъ за этой мнимой неполноты Геннадіева собранія и относительной недревности нѣкоторыхъ книгъ сдѣланнаго самимъ описателямъ упрека въ томъ, что они свои изслѣдованія начали съ этого собранія; предоставляя общему сужденію и соображенію пріемъ описанія, спросимъ: было ли бы лучше, если бы поступлено было по требованію рецензента? Займемся дальнѣйшимъ (стр. 46 и слѣд.), гдѣ рецензентъ хочетъ разгромить выводы описателей, извлеченные изъ разсмотрѣнія Геннадіевой Библии, о неимѣнн до него на Руси одного полнаго состава Библии и о томъ, что первоначальный переводъ нѣкоторыхъ книгъ, текстъ коихъ заимствованъ Геннадіемъ изъ толкованія, утратился въ его время и что другія совсѣмъ и не были переведены (хотя въ другихъ мѣстахъ рецензентъ и самъ склоняется къ той и другой изъ этихъ мыслей)?

Допуская утрату первоначальнаго перевода, напр. книгъ пророческихъ, описатели слѣды этого перевода указывали въ словѣ митрополита Иларіона и въ лѣтописяхъ XII и XIII столѣтія—по спискамъ лаврентьевскому, ипатьевскому и др. (Опис. стр. 132—135).

Рецензентъ, ко всему въ Описаніи такъ придирчиво относящійся, и здѣсь, въ лѣтописяхъ соображая нѣкоторыя формы языка и правописаніе, не хочетъ видѣть слѣдовъ первоначальнаго перевода, а признаетъ оный въ толковомъ текстѣ Упия. Но и въ Описаніи не безусловно былъ указанъ въ лѣтописяхъ первоначальный переводъ свящ. книгъ, а съ оговоркою, что лѣтописцы, выписывая или приводя на память мѣста Св. Писанія, иногда измѣняли въ немъ формы и слова приспособительно къ русской рѣчи. Во всякомъ случаѣ гораздо естественнѣе допустить употребленіе древняго готоваго перевода Св. Писанія лѣтописцами, нежели переводчикомъ толкованій на пророковъ въ списокѣ Упиревомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ извѣстно, что древніе переводчики твореній отеческихъ истолковательныхъ или другихъ, употребляющихъ тексты Св. Писанія, вмѣсто того, чтобы сіи тексты приводить по готовому первоначальному переводу (что безъ нынѣшнихъ цитаций въ отеческихъ твореніяхъ и безъ раздѣленія Библии на главы и стихи было тогда и весьма затруднительно), большею частію сами переводили оныя вновь, кромѣ знакомыхъ на память текстовъ. Такъ въ Описаніи это замѣчено относительно перевода Шестоднева Іоанна, ексарха болгарскаго (отд. II, ч. 1, стр. 27), бесѣдъ Златоустаго на книгу Бытія (тамъ же, стр. 50), словъ Аванасія Александрійскаго противъ арианъ (отд. II, ч. 2, стр. 41), поученій Кирилла Іерусалимскаго (тамъ же, стр. 60), 16-ти словъ Григорія Богослова съ толкованіемъ (тамъ же, стр. 87), вопросовъ и отвѣтовъ Сильвестра и Антонія (тамъ же, стр. 153), Лѣствицы св. Іоанна Синайскаго (тамъ же, стр. 203), Іоанна Дамаскина о православной вѣрѣ, въ переводѣ того же ексарха (тамъ же, стр. 306), Изборника Святославова (тамъ же, стр. 402). То же самое, т. е. что текстъ пророковъ переведенъ болѣе или менѣе вновь самимъ переводчикомъ, изслѣдованіе показало и относительно толкованія на нихъ по списку Упия, выводя это какъ изъ особыхъ чтеній греческаго подлинника, такъ и изъ особенностей перевода (Опис. отд. II, ч. 1, стр. 114). Когда такимъ образомъ переводчикъ толкованія не вполне воспользовался гото-

вымъ текстомъ, лѣтописцы, подтверждая и украшая свои сказанія текстами Писанія, конечно должны были брать оныя изъ общепотребительнаго первоначальнаго перевода. Указывая въ лѣтописяхъ лишь слѣды этого перевода, описатели на основаніи прочихъ данныхъ естественно переходятъ къ мысли объ утратѣ его и объясняютъ ее; но рецензенту эта мысль почему-то кажется *поворотомъ и скачкомъ* въ выводахъ, и онъ старается оспорить ее. Во-первыхъ отвергается ссылка на свидѣтельство о таковой утратѣ *Елисаветинскихъ издателей Библии*. Свидѣтельство ихъ только тогда бы не имѣло своей силы, если бы было одиноко; но въ связи съ предшествующими, имъ и намъ современными, данными, въ связи съ давними свидѣтельствами и указаніями на эту утрату, примѣчаемую доселѣ, этотъ торжественный голосъ духовнаго правительства, произнесенный устами не невѣдущихъ исправителей Библии, долженъ имѣть значеніе. Напрасно за тѣмъ рецензентъ говоритъ, что въ *острожскомъ изданіи* нѣтъ ни слова объ утратѣ. Константинъ Острожскій, при всѣхъ стараніяхъ, въ славянскихъ земляхъ не могъ найти полной Библии, — и былъ весьма радъ московскому списку Библии, какъ прямо выразилъ сіе въ вышеприведенныхъ словахъ предисловія (стр. 4). Такимъ образомъ самое дѣло показывало утрату многихъ книгъ. Неосновательность ссылки рецензента (по списку пророковъ въ Описаніи подъ № 18), будто у острожскихъ издателей для нѣкоторыхъ книгъ были древнѣйшія рукописи, незнаемыя или непринятыя Геннадіемъ, мы показали выше (стр. 22—23). Переходя къ *Геннадіевой Библии*, рецензентъ а) голословно замѣчаетъ (стр. 49), что изъ поздняго въ ней (латинскаго) перевода нѣкоторыхъ книгъ нельзя заключать объ утратѣ древняго, равно какъ б) изъ заимствованія другихъ изъ толкованія. Первый пунктъ рецензентъ развиваетъ ниже, гдѣ мы и разсмотримъ его. Въ опроверженіе послѣдняго заключенія онъ указываетъ на книгу Пѣснь пѣсней, также взятую Геннадіемъ изъ толкованія, тогда какъ, судя по списку въ Описаніи подъ № 17, «отдѣльный переводъ этой книги существуетъ, дошелъ до насъ, притомъ въ двухъ образцахъ, изъ

коихъ одинъ указываетъ на весьма значительную древность и даже глаголиту», а другой (см. стр. 23) — также самостоятельный, принятъ въ острожское изданіе. Но это единственный случай, еще не подрывающій вывода описателей, единственная книга, не искупающая еще собою множества другихъ, — и что отдѣльный переводъ означенной книги не заслуживаетъ особеннаго вниманія и отнюдь не такъ древенъ, какъ воображаетъ рецензентъ, а другаго самостоятельнаго вовсе и нѣтъ, все это также показано выше (стр. 19—20), а отчасти и еще раскроется. Главное же, мы повторимъ выше сказанное (стр. 3 и сл.), что не одно Геннадіево собраніе, а общее положеніе рукописей нашихъ и южно-славянскихъ, издавна показывающее и доселѣ подтверждающее утрату многихъ книгъ или совершенное небытіе нѣкоторыхъ въ первоначальномъ переводѣ, служило основаніемъ заключеніямъ описателей. Къ этому прибавимъ здѣсь еще и то весьма замѣчательное явленіе, что въ сочиненіяхъ нашихъ древнихъ писателей, современныхъ Геннадію и ранѣе его, мы вовсе не видимъ употребленія книгъ, переведенныхъ Геннадіемъ съ латинскаго: не приводятся у нихъ тексты ни изъ Премудрости Соломоновой (кромѣ паремій), ни изъ книгъ Паралипоменонъ, Ездры, Маккавейскихъ и другихъ, хотя во многихъ случаяхъ они могли бы воспользоваться тѣми книгами, если бъ существовалъ ихъ переводъ, напр. митрополитъ Фотій или Григорій Цамблакъ въ своихъ поученіяхъ, жизнеописатели святыхъ, или особенно Іосифъ Волоколамскій въ своемъ Просвѣтителѣ. Зиповій Отенскій былъ первый, приведшій тексты изъ Премудрости Соломоновой, но, какъ видѣли, по новому переводу съ латинскаго, сдѣланному Геннадіемъ. Въ рецензій (стр. 51) соображается время отъ употребленія древняго перевода въ лѣтописяхъ XII и XIII в. до появленія Геннадіевой Библии въ концѣ XV в. и представляется страннымъ отнести утрату къ сему промежутку времени. На это скажемъ мы, что въ вещахъ отдаленныхъ и сокровенныхъ нельзя требовать прямаго на все разясненія и при недостаткѣ его отвергать самый фактъ. У васъ сдѣлалась пропашка; вы соображаете время, всѣ обстоятельства, и не можете объяснить

себѣ когда и какъ это случилось, однако самой вещи у васъ уже нѣтъ, она пропала. Тоже надобно сказать и объ утратѣ перевода: постепенно, незамѣтно онъ прекратился, — и только. Сколько вообще рукописей доселѣ считается потерянными; но кто можетъ опредѣлить время и условія или обстоятельства потери? Въ періодъ невѣжества во время Геннадія и передъ нимъ, обличаемый самимъ архіепископомъ, подобная потеря вообще легко могла случиться, — и самъ рецензентъ допускаетъ утрату нѣкоторыхъ книгъ именно въ это время (ниже, стр. 57). Въ частности описатели утрату древняго отдѣльнаго перевода нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ объясняли распространеніемъ списковъ, въ которыхъ содержался тотъ же текстъ съ толкованіемъ и которые поэтому были болѣе удобны и нужны къ употребленію. Но рецензентъ (стр. 51) глумится надъ этимъ, по нашему мнѣнію, естественнымъ объясненіемъ, хотя выше, говоря о евангеліяхъ апракосахъ, какъ мы замѣтили (стр. 26—27), самъ оное принимаетъ, здѣсь же выставляетъ противъ него разные софизмы, параллели и такія положенія, коихъ несостоятельность для знающихъ дѣло очевидна. Ветхозавѣтныхъ книгъ, напр. Іова и Пѣсни пѣсней, нельзя ставить въ параллель съ Апостоломъ, замѣчая, что «толковые списки его не выгѣснили же (не уничтожили) недѣльные или цѣльные списки». Книга Апостола—книга первой важности и необходимо ежедневно употребляется въ церкви, не такъ какъ тѣ ветхозавѣтныя книги. Но по поводу рѣчи о частномъ употребленіи толковыхъ списковъ, рецензентъ и здѣсь не преминулъ провести прежнюю свою мысль о высокомъ образованіи народа въ то время. «Когда было такъ много списковъ толковыхъ (описатели не имѣли такой преувеличенной мысли), когда они были такъ распространены, что къ нимъ, а не къ другимъ (будто бы лишь какъ къ подручнымъ, не дѣлая разысканій!) обратился архіепископъ при своемъ собраніи, — значить, какую же огромную важность имѣло духовно-правственное развитіе лицъ и семействъ XIV и XV вѣка!» Эта модная идея, во время оно высказываемая и въ другихъ статьяхъ «Русской Бесѣды», между прочимъ раз-

бывается о непреложное свидѣтельство самого Геннадія и потомъ актовъ XVI в. о жалкомъ современномъ невѣжествѣ.

Теперь возражаетъ рецензентъ (стр. 53) на первый изъ вышеозначенныхъ двухъ пунктовъ, именно на тотъ, что изъ вновь сдѣланныхъ Геннадіемъ переводовъ нѣкоторыхъ книгъ нельзя заключать, чтобъ ихъ прежде и совсѣмъ не было въ переводѣ. Этотъ выводъ кажется ему крайне неожиданнымъ. Особенно поражаютъ его слова Описанія (стр. 136, § 5): «чего не находили они (собиратели Библии) между переводами съ греческаго, то внесли въ новомъ переводѣ съ латинскаго», и сдѣланное въ введеніи (стр. VII—VIII) объясненіе къ употребленію Вульгаты: «можетъ быть у нихъ не было и греческаго текста не достававшихъ въ ихъ собраніи книгъ, или не было переводчиковъ, достаточно знающихъ греческій языкъ». Странно, что, не опровергая самаго положенія, рецензентъ занимается объясненіемъ его и дѣлаетъ на него множество вопросовъ. «На Руси, говоритъ онъ, стоявшей въ постоянныхъ и ближайшихъ сношеніяхъ съ Греціей; на Руси, употреблявшей по нѣкоторымъ мѣстамъ греческій языкъ даже при богослуженіи, принимавшей къ себѣ множество Грековъ, а въ Грецію посылавшей столько путешественниковъ, столько иноковъ и *торговыхъ людей* на постоянное житіе, имѣвшей въ греческихъ монастыряхъ своихъ особыхъ переписчиковъ; въ языкъ *торговыхъ переходящихъ людей, варяговъ, сохранившей на половину слова греческія*; справлявшей постоянно и въ это самое время текстъ священныхъ книгъ, конечно не безъ подлинника греческаго; наконецъ продолжавшей переводить съ греческаго нѣкоторыя книги и незадолго передъ тѣмъ имѣвшей во главѣ духовенства грека, митрополита Фотія: на этой Руси не было людей достаточно знающихъ греческій языкъ?»—Скажемъ, не обинуясь, что изъ сихъ возраженій одни относятся не ко времени (XV в.), другія не къ мѣсту (Новгороду), а нѣкоторыя не къ предмету (переводамъ съ греческаго Библейскихъ книгъ). Такъ постоянныя и ближайшія сношенія съ Греціей, употребленіе греческаго языка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при богослуженіи, приливъ

къ намъ Грековъ (хотя все это не въ такой степени, какъ представляетъ рецензентъ) имѣли мѣсто только или почти только въ первыя времена просвѣщенія Россіи вѣрою христіанскою. Сличеніе текста нѣкоторыхъ священныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ, именно пророковъ въ синод. рукоп. подъ № 18 и многихъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ острожскомъ изданіи, равно и Новаго Завѣта въ исправленныхъ Тетроевангеліяхъ и полныхъ спискахъ Апостола, происходило вовсе не въ Новгородѣ и вообще не на сѣверѣ Россіи, а на югѣ или юго-западѣ ея, или же въ другихъ южныхъ славянскихъ странахъ. Наконецъ ни путешественники, ходившіе, положимъ, въ довольно значительномъ числѣ въ Грецію, ни торговые люди, постоянно тамъ жительствовавшіе, ни перенички, трудившіеся въ тамошнихъ монастыряхъ, не могли быть переводчиками священныхъ книгъ. Относительно же положенія, что «въ языкѣ торговыхъ переходящихъ людей, варяговъ, сохранились на половину слова греческія», мы не будемъ доказывать ни того, на сколько оно само въ себѣ состоятельно, ни того, на сколько оно относится къ данному предмету. Рецензентъ впрочемъ, сверхъ чаянія, послѣ такого грома дѣлаетъ уступку. «Положимъ, говоритъ онъ, что не знали тогда греческаго языка. Но при этомъ да потрудятся объяснить намъ (описатели): какъ на этой же Руси, въ этотъ же вѣкъ Геннадія нашлись достаточные переводчики съ языка латинскаго, который никогда не привлекалъ особеннаго расположенія нашего народа, называвшаго все католичество латинствомъ? Какъ у Геннадія нашлись люди для переводовъ съ нѣмецкаго и пр.?» На этотъ вызовъ отвѣчаемъ, что а) въ XV вѣкѣ состояніе просвѣщенія на *сѣверѣ* Россіи (а не на югѣ) вообще было самое печальное, какъ объ этомъ прямо гласятъ § 23 Исторіи русской церкви преосв. Филарета (изд. 2, Москва 1851, пер. III, стр. 129) и Исторіи русской церкви преосв. Макарія (т. 5, Спб. 1866, стр. 255 и слѣд.). Въ особенности въ Новгородѣ самъ Геннадій описываетъ мрачными красками глубокое невѣжество духовенства и общества. Приходящіе ставятся во священники не умѣли порядочно прочесть ни Апостола, ни Псалтири,

отзываясь тѣмъ, что «земля такова, не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ». По приказу ревностію снабдаемаго архіепископа не могутъ они выучить ни эктениі, ни азбуки. Геннадій поэтому умолялъ великаго князя и митрополита, чтобы заведены были училища; съ какимъ же уставомъ или программой? — съ самыми ограниченными: «сперва пусть будетъ истолкована азбука съ глянцами, потомъ подтительныя, за тѣмъ выучить твердо Псалтирь съ возслѣдованіемъ; когда выучить это, можетъ учащійся канонархатъ и читать всякую книгу». А что касается общества, то даже въ половинѣ слѣдующаго XVI в. многіе изъ князей и бояръ русскихъ не умѣли писать (Исторія русск. церкви Филарета, тамъ же). При этомъ невѣжествѣ однако латинскій языкъ у насъ употреблялся болѣе или менѣе по нуждѣ. Открывшіяся со времени Іоанна III сношенія съ европейскими дворами и съ собѣдами германскаго происхожденія требовали, чтобы у насъ постоянно были латинскіе толмачи: такъ какъ у тѣхъ и другихъ дипломатическій языкъ былъ одинъ — латинскій (Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, кн. IV, отд. 1, стр. 394). Одинъ изъ таковыхъ переводчиковъ, хорошо изучившій латинскій языкъ въ Ливоніи, находился нѣсколько времени въ Новгородѣ — и архіепископъ Геннадій воспользовался его познаніями какъ въ борьбѣ съ жиждовствующими, поручая ему вышепоказанные переводы изъ Николая Лирана (Опис. рукописей Царскаго № 461), такъ и въ составленіи полнаго списка Библии, по примѣру Вульгаты, имѣлъ его, по всей вѣроятности, въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ (Обзоръ русск. духовной литературы, Харьковъ 1859, § 111). Впослѣдствіи Дмитрій, при своемъ хорошемъ знаніи латинскаго языка, свѣдѣнійхъ и оборотливости, былъ во многихъ посольствахъ къ европейскимъ дворамъ, служилъ посредникомъ при препод. Максимѣ Грекѣ въ переложеніи имъ толковой Псалтири и самъ перевелъ съ латинскаго другую толковую Псалтирь Брунона (Обзоръ, тамъ же). Этотъ же самый Дмитрій толмачъ, какъ въ Описаніи и сказано, по всей вѣроятности, перевелъ указываемую рецензентомъ статью въ Геннадіевой Библии съ нѣ-

мецкаго, что видно изъ того, что въ 1502 г. имъ, Димитріемъ, сдѣланъ переводъ съ нѣмецкаго надписаній псалмовъ (Описание синод. рукоп. отд. 1, стр. 6—7). Близкія отношенія Герасимова къ архіепископу Геннадію показываютъ два или три посланія его къ сему святителю — о лѣтахъ семи вѣковъ, объ аллилуйи и о бѣломъ клубукѣ (Православный Собесѣдникъ 1861, янв., стр. 100). Въ Новгородѣ, слышшемъ тогда Великимъ, кипѣвшимъ жизнію, важномъ пунктѣ Ганзейскаго союза, смежномъ и имѣвшимъ сношенія съ Литвою, Польшею, Ливонскимъ орденомъ, естественно могло быть очень много всякаго званія иностранцевъ, знавшихъ латинскій и нѣмецкій языки. Такимъ образомъ у Геннадія явился и другой латинскій переводчикъ Маккавейскихъ книгъ — Веніаминъ, римскій пресвитеръ или монахъ, родомъ же славянинъ, свѣдущій въ языкахъ и грамматикѣ (Опис. стр. 128). Совсѣмъ иное было положеніе на юго-западѣ Россіи, въ Литвѣ, Польшѣ, Галиціи и славянскихъ земляхъ. По смежности этихъ странъ съ западомъ, тогдашнія движенія запада, научныя и вѣроисповѣдныя, имѣли дѣйствіе и на нихъ. Издавна здѣсь существовали типографіи и первоначальныя школы, а къ концу XVI в. въ Острогѣ и Слуцкѣ открыты высшія училища наукъ. Въ то же самое время и въ Львовѣ основана патріархомъ Іереміею грекорусская школа и издана грамматика на греческомъ и русскомъ языкахъ. Изученіе греческаго языка въ этихъ странахъ, зависѣвшихъ тогда отъ константинопольскаго патріархата, до того было обыкновенно, что ему по мѣстамъ обучались даже причетники и пѣли по гречески (Филарета, Исторія русской церкви, пер. 3, стр. 69—70). О переводахъ съ греческаго въ XV в. въ Сербіи, Константинополѣ и особенно на Афонѣ, а отнюдь не въ нашей неподвижной Россіи, приведены указанія преосвящ. Макаріемъ въ его Исторіи русской церкви (т. 5, стр. 255—256). Такимъ образомъ указаніе рецензента въ упрекъ Геннадію на переводы съ греческаго острожскихъ издателей и другихъ исправителей свящ. текста и переводчиковъ оказывается совершенно неумѣстнымъ*).

*) Приведемъ здѣсь слова о князѣ Константиѣ Острожскомъ Я. О. Голо-

Описатели указали на Максима Грека, который немного лѣтъ спустя вызванъ былъ въ Москву, потому что «и въ Москвѣ тогда не находили хорошо знающихъ греческій языкъ» (Введеніе стр. VIII).—«Позвольте сказать, возражаетъ рецензентъ, что это несправедливо: не по тому былъ вызванъ Максимъ, а для того, чтобы служить ему руководителемъ и исправителемъ свѣдѣній и занятій... для книжныхъ русскихъ сокровищъ именно нуженъ былъ иностранецъ со свѣдѣніями иностранныхъ университетовъ». Но уже митроп. Евгеній противъ другаго, болѣе съ дѣломъ сообразнаго мнѣнія, что Максимъ былъ вызванъ для исправленія книгъ, указывалъ въ жизнеописаніи преподобнаго (въ Софійской бібліотекѣ) подлинную причину вызова, именно, что онъ былъ приглашенъ разсмотрѣть сокровища въ великокняжеской бібліотекѣ, т. е. разобрать и описать множество греческихъ книгъ, чего никто не могъ сдѣлать тогда въ Россіи (Словарь писателей духовнаго чина, изд. 2, часть 2, стр. 26—27). Отсюда видно, что не только мы сами не могли пользоваться сими сокровищами, переводя чтонибудь съ греческаго, но и не понимали ихъ. Подобное говорится и въ сказаніи о приходѣ на Русь Максима Грека (по синод. рукописи № 157, XVII в., см. Опис. отд. II, ч. 2, № 192). По этому сказанію (л. 26 об.) царь Василій Ивановичъ, указывая турецкому султану «въ своей книгохранильницѣ книги греческія не переведены на русскій языкъ, изыщи, писалъ, человѣка, которому быть возможно тѣ книги перевести». Этимъ извѣстіемъ о множествѣ греческихъ книгъ въ великокняжеской бібліотекѣ рецензентъ далѣе думаетъ ниспровергнуть предположеніе описателей о неимѣніи у Геннадія греческихъ списковъ нѣкоторыхъ книгъ, и въ противорѣчіе сему ставитъ высокое образованіе тогдашней Россіи, если, по Описанію, тѣ книги переведены съ латинскихъ и нѣмецкихъ изданій Библіи,

---

вацкаго: «въ своей резиденціи Острожѣ, основалъ князь Константинъ Острожскій академію, завелъ типографію, созвалъ около себе кружокъ ученыхъ людей того времени, грековъ и русиновъ, вспомоствовалъ ихъ и поощрялъ къ наукѣ и ученой дѣятельности». См. статью его: Львовское ставропигійское братство и князь Острожскій (Львовъ, 1865).

за нѣсколько лишь лѣтъ вышедшихъ (стр. 56). Но что было въ Москвѣ — греческіе списки библейскихъ книгъ, — того не могло быть въ Новгородѣ, и въ самой Москвѣ эти книги лежали, какъ видно, безвѣстно. Съ другой стороны, не отступаясь отъ мысли, встрѣчающейся уже у Добровскаго, что латинскій переводъ при Геннадіѣ нѣкоторыхъ книгъ сдѣланъ былъ именно съ печатной Вульгаты, по коей и раздѣлена вся Библия на главы, мы однако же не представляемъ нашего тогдашняго просвѣщенія на высотѣ. Въ Новгородѣ и католики, и нѣмецкіе протестанты, и даже жидовствующие могли имѣть сіи изданія и съ укоромъ указывать на нихъ православнымъ, не имѣвшимъ не только подобнаго изданія на славянскомъ, но и въ рукописяхъ полнаго собранія библейскихъ книгъ *).

Теперь снова приступая къ предположенію описателей объ утратѣ или несуществованіи въ переводѣ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ (стр. 56), рецензентъ сперва склоняется согласиться съ Описаніемъ, что это положеніе простирается а) не на весь объемъ свящ. книгъ (но этого описателямъ и въ голову не приходило, чтобы допускать утрату всѣхъ книгъ библейскихъ) и б) не на все прошлое Руси, на основаніи указаннаго въ Описаніи жизнеописанія Меѳодія, свидѣтельства Нестора и Иоанна, ексарха болгарскаго, объ исконномъ переводѣ всѣхъ 60 уставныхъ книгъ (Опис. введ. стр. II). Но эти самыя свидѣтельства, если бы вникнулъ въ нихъ рецензентъ, показываютъ, что не всѣ книги библейскія первоначально были переведены. Въ счетъ 60 входятъ только изъ Ветхаго Завѣта однѣ каноническія книги, въ числѣ 33, а исключаются книги неканоническія, хотя также входящія въ составъ Библии, именно книги Товіи, Юдиѳи, Премудрости Соломоновой, 2 и 3 Ездры и книги Маккавейскія; о не переводѣ сихъ послѣднихъ и прямо сказано въ жизнеописаніи Меѳо-

---

*) Съ 1450 г. до 1493 г., когда производился у Геннадія переводъ съ латинскаго Маккавейскихъ книгъ, печатныхъ изданій Вульгаты вышло уже 48. Franz C. Alter, Bibliographische Nachrichten von verschiedenen Ausgaben orientalischen Bibeltexthe und der Kirchenväter, Wien, 1779, S. 88—95.

дія *). Въ подтвержденіе мнимои полноты ветхозавѣтныхъ книгъ въ первоначальномъ переводѣ, рецензентъ голословно указываетъ на мѣсто Нестора, не цитуетъ и не выписывая онаго буквально, мѣсто объ Ярославѣ, гдѣ, говоритъ, при Новомъ Завѣтѣ упоминаются «книги пророческія», обвинявшія Ветхій Завѣтъ — по тому всеобщему понятію, что онъ былъ прообразованіемъ или пророкомъ Новаго. Рецензентъ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду мѣсто лѣтописца въ рѣчи о Ярославѣ (Полное собраніе русск. лѣтописей т. 1, стр. 66): «иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужи; почитая пророческія бесѣды, и еуангельская ученія и апостолская, житія святыхъ отецъ въспріемлетъ душа велику ползу». Конечно подъ пророческими бесѣдами разумѣются ветхозавѣтныя книги, но отнюдь не видно, чтобы въ полномъ ихъ составѣ. Можно даже въ частности ограничить эти слова пророческими книгами съ толкованіемъ, извѣстнымъ по списку Упия и, какъ видно, употребляемымъ въ домашнемъ чтеніи, и самое выраженіе можно сопоставить съ словами въ припискѣ Упия: тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се, велика бо чюдеса написаша намъ си пророци въ сихъ книгахъ (Опис. стр. 112).

*) См. замѣчанія на это въ паннонскомъ житіи св. Кирилла и Меодія, А. В. Горскаго, и въ статьѣ Кирилль и Меодій, преосв. Филарета, перепечатанныхъ въ Кирилло-Меод. сборникѣ, Москва 1865, стр. 39, 72, 73. Мы, впрочемъ, не сомнѣваясь, что подъ 60 уставными книгами у екарха разумѣются именно книги Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта (см. Описаніе отд. I, предисл. стр. II), мало вѣримъ достовѣрности или точности самого свидѣтельства, ибо а) екархъ самъ признается, что пишетъ сіе — о переводѣ книгъ Меодіемъ — только по слуху; б) такъ какъ паннонское жизнеописаніе Меодія, а по нему, вѣроятно, и молва гласили, что Меодій предложилъ вся книги исполнь (подъ чѣмъ можно разумѣть и полный кругъ церковныхъ книгъ): то екархъ, понимая это исключительно о книгахъ Св. Писанія и понимая въ строгомъ смыслѣ, могъ уже самъ опредѣленно выразить всю совокупность ихъ обычнымъ въ то время счетомъ 60-ти; но, повторяемъ, могъ при этомъ и погрѣшить. Сомнѣніе въ означенномъ свидѣтельствѣ екарха мы встрѣчаемъ и у акад. Срезневскаго въ изданіи: Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ, стр. 9. Добровскій полагалъ, что самими Кирилломъ и Меодіемъ переведены изъ Св. Писанія лишь Псалтирь, Евангеліе и Апостолъ, а за тѣмъ богослужебныя собственно книги (Slavin, Prag 1834, S. 150, 151, 282).

Странно, что и за симъ (стр. 57) рецензентъ, хотя, уступая описателямъ, и допускаетъ возможность утраты нѣкоторыхъ книгъ въ древнемъ переводѣ передъ временемъ Геннадія, но потомъ тутъ же оспариваетъ ее, соображая а priori, что *не могла* она послѣдовать при всеобщемъ употребленіи въ древности Свящ. Писанія. Но что намъ еще толковать о невозможности, когда мы видимъ утрату на самомъ дѣлѣ, и говорить о потерѣ такого перевода, который вовсе и не существовалъ изъ начала? Далѣе говорить, что единственное будто бы основаніе къ такому предположенію въ неимѣніи нѣкоторыхъ древнихъ переводовъ у Геннадія въ Библии нетвердо, по недостатку ревности и свѣдѣній Геннадія въ собраніи библейскихъ книгъ. Въ доказательство этого выставляются (стр. 59) прежнія положенія рецензента, которыхъ несостоятельность и лживость нами уже показана, именно: что Геннадій нѣкоторыя книги перевелъ съ латинскаго, а не съ греческаго языка; не воспользовался лучшими и древнѣйшими будто бы списками толкованія, какими же? вѣроятно, разумѣются переводы Пѣсни пѣсней по № 17 и пророковъ по № 18 (о чемъ см. выше стр. 19, 21!); не воспользовался вариантами (т. е. Новаго Завѣта, см. стр. 31); не вездѣ аккуратно извлекалъ текстъ изъ толкованій (см. выше стр. 33—34); не употребилъ въ дѣло отрывковъ изъ паремій (см. стр. 22). Но съ особеннымъ напряженіемъ здѣсь занимается рецензентъ отрывкомъ изъ посланія Геннадія къ ростовскому архіепископу Иоасафу, приведеннымъ описателями въ доказательство исканія Геннадіемъ библейскихъ книгъ по монастырямъ и несуществованія тогда у насъ полнаго состава Библии (стр. 59 и слѣд.). Мѣсто это въ описаніи (стр. 136—137) читается такъ: «Новгородскій архіепископъ Геннадій, принимая борьбу съ появившимися въ Новгородѣ еретиками, жидовствующими, и имѣя для того нужду въ разныхъ книгахъ, между прочимъ спрашивалъ письмомъ у архіепископа ростовскаго Иоасафа: да есть ли у васъ въ Кириловѣ, или Фарафоновѣ, или на Каменномъ книги: Селвестръ, папа Римскій, да Афанасій Александрійскій, да слово Козмы прозвитера на новоявляющуюся ересь

на богумилы, да посланія Фотѣя патріарха ко князю Борису Болгарскому, да *Пророчество*, да *Бытѣя*, да *Царство*, да *Притчи*, да Менандръ, да *Иисусъ Сираховъ*, да Логика, да Деонисій Арепагитъ. Занеже тѣ книги у еретиковъ есть». «Если бы тогда — въ Описаніи къ этому прибавлено — были извѣстны исчисленныя книги библейскія въ одномъ полномъ собраніи, то конечно не было бы нужды отыскивать ихъ по разнымъ мѣстамъ. Геннадій до архієпископства новгородскаго былъ архимандритомъ Чудова монастыря въ Москвѣ. Видно и тамъ онъ не находилъ такого собранія». Снова унизивъ монастыри передъ обществомъ въ разсужденіи просвѣщенія и обладанія письменными памятниками, рецензентъ въ приведенныхъ словахъ посланія не видитъ никакого отношенія къ библейскому собранію Геннадія и къ исканію нужныхъ для того книгъ, а находитъ въ нихъ только указаніе Иоасафу, какія книги нужно ему имѣть въ спорѣ съ жидовствующими. При этомъ, глумясь надъ пониманіемъ тѣхъ же словъ описателями, рецензентъ позволяетъ себѣ противъ описателей такія выходки и придирки, навязываетъ имъ такія странныя мысли, выводитъ заключенія, которыя, показывая только раздражительность его, не приличествуютъ серьезному разсужденію. Предоставляя эти страницы критики (59—68) просвѣщенному вниманію читателей (а специалисты сами ихъ понимаютъ), мы съ своей стороны въ отвѣтъ скажемъ только слѣдующее. Жидовствующіе, выродки запада, съ своимъ іудейскимъ и рационалистическимъ ученіемъ пришедшіе къ намъ изъ Польши и Литвы (см. Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, стр. 124 и слѣд.), утверждались преимущественно на Ветхомъ Завѣтѣ, приводили православныхъ въ затрудненіе и упрекали тѣмъ, что они (въ отношеніи къ Ветхому Завѣту) не имѣли полного состава Библии. Такое же дѣлали намъ обличеніе и сами собою распространившіяся тогда изданія Вульгаты (см. выше стр. 45). Этотъ вопросъ прежде и болѣе всего долженъ былъ встревожить ревностнаго Геннадія, и видно, что онъ теперь былъ имъ озабоченъ. Онъ спрашиваетъ у Иоасафа о Пророчествѣ, Бытіи и другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ

по тому побужденію, что «тѣ книги у еретиковъ есть». Мы относимъ это выраженіе, по народному не точному языку Геннадія въ настоящемъ посланіи (въ чемъ и рецензентъ не преминулъ упрекнуть его), не ко всѣмъ поименованнымъ въ немъ книгамъ, а только къ ближайшимъ библейскимъ, потому что прочія, болѣе обличающія еретиковъ (слова Аванасія противъ арианъ, Козмы пресвитера на богомиловъ и др.), очевидно требовались только для опроверженія ихъ, а не по тому, что имѣлись у нихъ самихъ. Геннадій не указываетъ здѣсь Іоасафу (какъ объясняетъ рецензентъ) какія книги надобно ему употребить въ дѣлѣ съ жидовствующими (если есть у тебя такія-то книги, то ихъ употреби), а проситъ его съ посланными своими отписать ему о нихъ или сообщить самыя книги. Въ связи это мѣсто читается такъ: «да и о томъ ми отпиши: мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу (теперь находившимся при Іоасафѣ), о ересѣхъ тѣхъ было (т. е. чтобы о ереси жидовствующихъ можно было) съ ними поговорити; да есть ли у васъ въ Кириловѣ или Фарафонтѣ или на Каменномъ книги и пр.», т. е. и объ этомъ отпиши, или, если есть самыя книги, то ихъ пришли. И замѣчательнъ образъ выраженія, показывающій, что не было тогда полнаго состава Библии, а употреблялись только отдѣльныя части ея, которыя притомъ были довольно рѣдки (потому что объ обыкновенныхъ книгахъ было бы неумѣстно спрашивать: есть ли у васъ такія-то книги, или если не у васъ, то въ Ферапонтовскомъ или Каменно-островскомъ монастыряхъ?). Какія части и подъ какимъ названіемъ они находились въ употребленіи и были извѣстны Геннадію, о тѣхъ только онъ и пишетъ — о Пророчествѣ, Бытѣ, Царствѣ, Притчахъ (вводя за симъ Менаандра) и объ Іисусѣ Сираховѣ. Подъ именемъ *Пророчества* разумѣлись всѣ книги 16-ти пророковъ. Такъ уже Упиръ Лихой въ XI в., списавши для князя Владиміра Ярославича толкованія сихъ книгъ (изъ коихъ впоследствии и извлеченъ текстъ пророковъ), въ послѣсловіи своемъ писалъ: «тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се, велика бо чюдеса написаша намъ сии проци в сихъ книгахъ» (Опис. отд. 1, стр. 112). Книгою *Бытъя*

называлось все Моисеево Пятокнижіе. Такъ списокъ Пятокнижія Моисеева 1493 г., въ библіотекѣ Іосифова монастыря, подъ № 8 (теперь принадлежащій Москов. духовной академіи), на первомъ бѣломъ листѣ имѣеть такую помѣту XVI в.: «книга глаголемая Бытѣя Іосифова монастыря старая», а въ концѣ (на л. 376) рукою самого писца приписано: «изволеніемъ безначалваго Отца... написаны сїи Бытїйскія книги Моисеева сказанія въ лѣто 7002 сентемвріа мѣсяца» и пр. Подъ *Царствомъ* такъ же, какъ и подъ Пророчествомъ, разумѣли всѣ четыре книги Царствъ, и самыя книги назывались: Царство первое, Царство второе и т. д. (Опис. отд. 1, стр. 31, списокъ Библіи № 1; въ Моск. музеѣ бывшій г. Ундольскаго, стр. 177 и слѣд.; чудовской списокъ книгъ отъ Навина до Царствъ включительно, № 25, XV в., и мн. др.). Что касается *Менандра*, поставленнаго между книгою Притчей и Сираха, то въ нѣкоторыхъ спискахъ славянскихъ дѣйствительно въ этомъ ряду свящ. книгъ писались стихи изъ Менандра. Такъ въ сборникѣ Московскаго историческаго общества (по Описанію Строева, отд. 1, № 189), конца XV в., въ началѣ слѣдуютъ книги библейскія въ такомъ порядкѣ: 1) Пѣснь пѣсней Соломона, 2) Притчи его, 3) Менандра мудраго о разумѣ, научаще въ разумъ челоувѣколюбства мудрость и пр., 4) Премудрость Сирахова и т. д. Въ вышепоказанномъ списокѣ Библіи 1507 г. (см. стр. 7) помѣщены послѣ пророковъ: Іовъ, Притчи, Соломонъ (Премудрость Соломона), отъ Царствъ 3, ключъ паремьямъ, Екклесіастъ, Пѣсни пѣсней, Менандръ, Іисусъ Сираховъ и пр. Подобнымъ образомъ въ чудовской рукописи подъ № 200, XVI в., собраны слѣдующія библейскія книги: 1) Апокалипсисъ съ толкованіемъ, 2) Книга Притчей Соломоновыхъ, 3) Екклесіаста, 4) Пѣснь пѣсней, 5) Премудрость Сирахова и 6) Менандрови стиси, имѣя каждо стихъ свой разумъ въ себѣ. Эти стихи, обучающіе житейской мудрости, по формѣ и нерѣдко по содержанію своему очень подходятъ къ изрѣченіямъ въ книгѣ Притчей и Сираха. Они приписываются знаменитому греческому комику, Менандру Аѳинянину (жившему за 300 лѣтъ до Рождества Христова), изъ котораго, по

свидѣтельству Іеронима (Comm. in ep. Tit. 1, 12 sq.), и апостоль Павелъ (1 Кор. 15, 33) привелъ стихъ *). На греческомъ стихи Менандра (они или другіе, неизвѣстно) читаются въ вѣнской рукописи (Lambecii, Bibliothecae Vindob. commentariorum ed. Kollar, t. IV, p. 507—Menandri comici sententiae monostichae ordine alphabetico). Занятый мыслию о библейскомъ кодексѣ, Геннадій спрашиваетъ у Іоасафа о всѣхъ сихъ книгахъ, какъ видно не довѣряя точности и полнотѣ своихъ новгородскихъ списковъ и надѣясь въ рукописяхъ ростовскихъ, можетъ быть въ самой книгѣ Менандра, найти восполненіе того, чего не доставало ему по упрекамъ жидовствующихъ. Но о книгахъ, которыхъ не было въ древнемъ переводѣ, впоследствии переведенныхъ имъ съ латинскаго, а теперь ему еще неизвѣстныхъ, онъ вовсе и не спрашиваетъ: *ignoti nullum cupido*. И вотъ нашъ отвѣтъ на замѣчаемую рецензентомъ (стр. 63) поразительную странность, что Геннадій, будто ища, по нашему объясненію, нужныхъ для него книгъ, о тѣхъ, коихъ вовсе у него не было и кои онъ принужденъ былъ перевести съ латинскаго, въ письмѣ даже и не упоминаетъ! Если же Геннадій для восполненія библейскаго кодекса искалъ нѣкоторыхъ книгъ въ вологодскихъ монастыряхъ, то можно предположить, что ихъ тогда не находилось въ Чудовѣ монастырѣ, настоятелемъ котораго онъ былъ прежде, какъ и теперь въ библиотекѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ отъ нихъ. Въ какой же степени неосновательно рецензентъ, находя и это предположеніе страннымъ и несправедливымъ (стр. 67), въ обличеніе мнимой невнимательности Геннадія, указываетъ на непринятіе имъ перевода святителя Алексія, мы показали уже выше (стр. 29).

*) Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. Harles, t. 11, p. 454 sq. Издатель здѣсь, между прочимъ, замѣчаетъ, что писатели церковные приписали Менандру или Филемону такіе стихи, которыми могли доказывать, что правила древнихъ мудрецовъ не отвращались отъ христіанскаго ученія. Поэтому Менандръ, въ числѣ прочихъ еллинскихъ мудрецовъ, изображался со свиткомъ на папертихъ нашихъ храмовъ (Снегирева, Памятники московской древности, стр. 86).

Здѣсь критикъ оканчиваетъ разсмотрѣніе главнѣйшихъ выводовъ описателей, и за тѣмъ (стр. 69), послѣ общихъ въ томъ же родѣ замѣчаній, пускается въ нѣкоторыя другія многословныя разсужденія: «поколикѣ они (описатели) вышли за предѣлы специальныхъ своихъ свѣдѣній, говоритъ онъ (слич. тоже стр. 10, 11), и частный случай предприняли развить въ общее положеніе науки, по стольку и мы сочли себя въ правѣ войти въ разборъ ихъ (sic); тѣмъ самымъ мы думали оказать изслѣдователямъ услугу, предупреждая и освобождая ихъ отъ нареканія, — того нареканія, когда тѣнь, брошенная ими на древнюю Русь, отразится въ современныхъ умахъ совершеннымъ мракомъ, покажется имъ, что до Геннадія у насъ совсѣмъ не было Свящ. Писанія». Нарисовавъ за тѣмъ фантастическую картину общаго въ древней Руси стремленія къ изученію Слова Божія на всемъ пространствѣ, во всѣхъ слояхъ народа, спрашиваетъ (стр. 76): не ужели для древней Руси, обозначавшейся такими чертами, можетъ служить какимъ нибудь упрекомъ то, что не всѣ священныя книги были у ней собраны и записаны въ одинъ списокъ? Для народа, надѣющагося жить, по словамъ критика, было и не нужно и не естественно предпринимать трудъ таковаго собранія, ради одной только пользы потомковъ, и дѣлать какъ бы завѣщаніе, готовясь къ смерти. И ему кажется удивительнымъ, почему архіепископъ новгородскій вздумалъ собрать священныя книги. Это сдѣлалъ Геннадій не изъ общественныхъ видовъ или побужденій (употребляемъ слова рецензій), не поступая впередъ положительно, но съ побужденіями къ дѣятельности отрицательной, чтд, не составляя необходимости въ положительномъ развитіи, есть всякое зло, съ характеромъ частности, случайности или несущественности. Въ такомъ случаѣ и самая борьба противъ зла есть уже отрицательное положеніе, отрицательный оборотъ. Такова была борьба Геннадія противъ жидовствующихъ... и если она сосредоточивала на себѣ все вниманіе Геннадія, то не естественно ли, что трудъ собранія Библии вызванъ былъ также ею или по крайности непремѣнно имѣлъ къ ней отношеніе... Не только современники, но даже и потомки не

могли не поражаться суровостію Геннадія въ этомъ дѣлѣ (борьбы съ жидовствующими), суровостію, несогласною съ характеромъ, воспитаннымъ въ православіи... Между Новгородомъ и Москвою теперь было какое-то различіе въ чертахъ православія... Что мудренаго, восклицаетъ за симъ рецензентъ, если такой человѣкъ, какъ Геннадій, и въ такомъ положеніи, въ борьбѣ съ еретиками, могъ быть не совсѣмъ разборчивъ и довольно небреженъ въ средствахъ своихъ вообще, а по этому и въ собраніи библейскомъ?.. Характеръ отрицательный могъ и даже долженъ былъ и здѣсь отразиться. И Геннадій за симъ сравнивается (стр. 79), по разительному будто бы сходству, съ переводчикомъ посольскаго приказа Фирсовымъ, при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ сдѣлавшимъ новый переводъ Псалтири (см. Описаніе синодальн. рукописей т. 1, подъ № 16). «Не нуженъ былъ, замѣчаетъ рецензентъ, и самый переводъ, языкъ его нечистъ, переводчикъ, подобно Геннадію, нападаетъ здѣсь на расколы своего времени и что напрасна и ошибочна недовѣрчивость народа къ книгамъ новоправленнымъ, поправки его (Фирсова) съ еврейскаго не совсѣмъ точны, равно какъ и прибавленныя къ тексту замѣчанія нерѣдко произвольны и ошибочны... Явно, что здѣсь у Фирсова — цѣли противоборства, дѣятельность отрицательная, — и читатели во многомъ найдутъ сходство съ дѣломъ Геннадія. Переводчикъ Псалтири по всему — человѣкъ новаго времени, выскочка. Россійскій народъ называлъ его грубымъ и не ученымъ. Переводъ его запрещенъ царями и патріархомъ; почти такова же была судьба Библии Геннадіевой, официально не признанной. Геннадій точно также жаловался на необразованность своего времени. Видно (заключаетъ такое сравненіе рецензентъ), что во всѣ времена люди отрицательнаго направленія одинаковы». Изъ всего этого ясно, что рецензентъ въ оппозиціи Геннадію дошелъ уже до крайности, чтобы не сказать болѣе. Въ собраніи книгъ библейскихъ въ одинъ составъ онъ не только не видитъ никакого разумнаго основанія, но даже находитъ противодѣйствіе и вредъ общественному развитію, дѣятельность отрицательную; такой же характеръ

даетъ и извѣстной борьбѣ Геннадія съ жидовствующими, съ которою означенное собраніе поставляетъ въ необходимую связь (тогда какъ выше стр. 62, разбирая посланіе къ Іоасафу, между ними отвергалъ всякое отношеніе). Противъ такого, ни съ чѣмъ не сообразнаго воззрѣнія, мы должны замѣтить, что борьба Геннадія съ жидовствующими не только не имѣла чего-нибудь отрицательнаго, вреднаго и безразсуднаго, но и въ высшей степени была полезна: ибо только Геннадіева непоколебимая твердость и ревность спасла тогда русскую церковь отъ ужаснаго зла, пустившаго слишкомъ глубокіе корни, и надолго оградила ее отъ прираженій протестанства и рационализма. Рецензентъ иронически замѣтилъ, что новгородское православіе въ этомъ случаѣ отличалось отъ московскаго. Но московскій органъ православія, прен. Іосифъ Волоцкій, сподвижникъ Геннадія, не болѣе ли даже самаго Геннадія гремѣлъ и дѣйствовалъ противъ ереси? Такимъ образомъ на обоихъ, и на Геннадія и на Іосифа, равно падаетъ упрекъ рецензента, тогда какъ церковь и общій голосъ восхваляютъ обоихъ за сей преимущественно подвигъ противъ жидовствующихъ. Какъ дѣйствовали православные государи греко-римскіе въ IV—VI в. противъ еретиковъ и раскольниковъ, мы отсылаемъ читателей къ замѣчательной статьѣ подъ этимъ заглавіемъ въ Прибавленіяхъ къ изданію твореній св. отцевъ 1859 г. (ч. XVIII, стр. 49). И послѣ сего рецензентъ предъявляетъ о себѣ, что хотѣлъ освободить изслѣдователей отъ нареканія въ современномъ обществѣ? Бросаетъ самъ въ это общество, и безъ того предубѣжденное противъ церкви, такія воспламеняющія его идеи, какова напр. о безразсудствѣ и вредѣ преслѣдованія ереси (а не раскола, какъ называетъ рецензентъ) и выше (стр. 24—27) о преимуществѣ общества предъ церковію въ дѣлѣ религіознаго образованія народа, а у описателей находитъ соблазнъ въ выводѣ о библейскомъ кодексѣ, такомъ выводѣ, который торжественно провозглашенъ высшимъ духовнымъ правительствомъ, святѣйшимъ синодомъ, въ предисловіи къ Елисаветинскому изданію Библии, который основывается на памятникахъ письменности и

свидѣтельствахъ древности и признанъ самими славянами, отъ коихъ мы получили Свящ. Писаніе (см. выше свидѣтельства о славянской Библии Добровскаго и Шафарика, а также Константина Острожскаго)!

Странно, что въ слѣдъ за симъ рецензентъ (стр. 81), вопреки предъидущимъ своимъ словамъ, признаетъ заслугу Геннадія въ полномъ собраніи Библии у насъ на Руси — прежде всѣхъ славянскихъ племень, за что, говоритъ, они и должны быть намъ благодарны; только самый этотъ составъ рецензентъ называетъ *историчнымъ* (оставляя первый за славянскими просвѣтителями). У прочихъ славянъ въ параллель Геннадіеву собранію ставитъ онъ яко бы «древнѣйшій и полный списокъ Библии 1429 г., писанный у болгаръ, въ молдавскомъ монастырѣ Нямцахъ, явившійся, по словамъ его, также вслѣдствіе какой-то борьбы ихъ (слич. рец. стр. 30) и исчезнувшій изъ употребленія, какъ и всѣ *подобные плоды отрицанія*». Но объ этомъ списокѣ, какъ мы сказали выше (стр. 4), не только нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій, но и самое существованіе его, какъ списка полной Библии, подлежитъ сомнѣнію. Вотъ что писалъ о немъ въ 1825 г. нашъ ученый Кеппенъ въ проектѣ путешествія по славянскимъ землямъ (Библиограф. листы стр. 485): «Въ *Поминахъ книжескомъ*, изд. Соляричемъ въ 1810 г. сказано, что онъ видѣлъ у г. Перичинотти Св. Писаніе, переписанное какимъ-то монахомъ Гаврииломъ въ 6939 (1429) году, при молдавскомъ господарѣ Александрѣ и женѣ его Маринѣ, въ монастырѣ Нѣмц. Полезно было бы узнать, цѣлая ли это Библия или однѣ только Евангелія, и полныя ли или токмо воскресныя». Ни у Добровскаго (Slavin. Prag, 1834), ни у Шафарика (Geschichte d. südslawischen Literatur. Prag, 1864—65) объ этой рукописи нѣтъ и помину. Послѣ сего мы не знаемъ, на какомъ основаніи рецензентъ столь прямо утверждаетъ о полнотѣ сего списка, о происхожденіи его вслѣдствіе какой-то также непонятной для насъ борьбы болгаръ и исчезновеніи подобно всѣмъ плодамъ отрицанія (каковымъ въ рецензії считается списокъ Геннадіевъ). Другое собраніе Библии, также по

рецензіи вторичное, появившееся еще въ XIV вѣкѣ, представляется у чеховъ. Объ этой чешской Библии, «чрезвычайно напоминающей и объясняющей» Геннадіево собраніе, рецензентъ говоритъ довольно пространно. Чешскій переводъ, по его объясненію, въ основѣ своей имѣлъ «прадревній переводъ» славянскихъ первоучителей и только приноровленъ былъ къ латинскому тексту; онъ былъ слѣдствіемъ вѣроисповѣднаго движенія чеховъ, плодомъ созрѣвшей борьбы ихъ противъ латинъ. Также какъ у Геннадія, Пятокнижіе, Іовъ, Псалтирь, книги пророковъ носятъ слѣды древнѣйшаго перевода, а позднѣйшаго тѣ самыя книги, какія и у Геннадія, и позднѣйшій переводъ былъ вызванъ наступающею борьбою; какъ Геннадій, оставляя древніе переводы (!), на скорую руку составлялъ новые, такъ у чеховъ, въ противоборство составу, приноровленному къ Вульгатѣ, появляются новые переводы прямо съ еврейскаго или другихъ языковъ. Но между тѣмъ и другимъ (опять въ укоръ Геннадію) замѣчается такое различіе, что тогда какъ предпріятіе Геннадія было исключеніемъ изъ общей дѣятельности и осталось безъ послѣдствій, чешскій переводъ служилъ необходимымъ выраженіемъ общественнаго стремленія и имѣлъ обширное вліяніе на всю дѣятельность чеховъ въ XV и XVI в. На все это замѣтимъ, что мы сами дѣлали сличенія древняго чешскаго перевода съ первоначальнымъ славянскимъ св. Кирилла и Меодія и сотрудниковъ ихъ, поколикую его представляетъ Геннадіева Библия, напр. въ Пятокнижіи, Пророкахъ, а за тѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, у Геннадія являющихся въ переводѣ позднемъ или заимствованномъ изъ толкованій, — и въ чешскомъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ книгахъ отнюдь не нашли Кирилловской основы, примѣненной только къ латинскому, а вездѣ прямой, не глубокой древности, переводъ съ Вульгаты. Наше мнѣніе въ этомъ случаѣ согласно съ учеными изслѣдованіями самихъ чеховъ, напр. Добровскаго (*Über das Alter d. böhmischen Uebersetzung* въ *Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, Prag, 1782, 5-er Band, S. 300—322*) и современнаго намъ Иречека (*Časopis Musea kral. Českého 1864,*

Rozbor prvotního Českého překladu Starého Zákona, pod. Jos. Jireček, t. XXXVIII, p. 136—177, 288—301, 371—388), которыхъ результаты вообще расходятся съ мыслями рецензента. Первый говоритъ (стр. 305—306), что хотя древне-славянскій языкъ, кирилловское письмо и переводъ Св. Писанія отчасти могли быть извѣстными чехамъ; но по сличеніи не оказывается ни малѣйшаго сходства между древле-славянскимъ и чешскимъ переводомъ Библии: первый постоянно слѣдуетъ LXX-ти, второй Вульгатѣ, съ которою (стр. 312) сходенъ и въ расположеніи книгъ. Иречекъ (стр. 143) примѣрами изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ доводитъ до очевидности, что этотъ чешскій переводъ—переводъ съ Вульгаты, и изъ Вульгаты же объясняетъ мнимые варианты, приводящіе рецензента совершенно къ противнымъ заключеніямъ (см. рец. стр. 82), когда напр. Лев. 19, 20 вмѣсто *pubilis* читалось *nobilis*, Нав. VI, 16 вмѣсто *curribus*—*cruribus*, Суд. 11, 2 вмѣсто *altera*—*adultera* и мн. др. Потомъ Иречекъ (стр. 146) опровергаетъ то мнѣніе, будто бы всѣ книги библейскія на чешскій переведены въ одно время, однимъ лицомъ или подъ наблюденіемъ одного, находя напротивъ, что разныя книги явились въ переводѣ въ весьма разныя времена и имѣли разныхъ переводчиковъ, и что собиратели Библии помѣстили сіи книги безъ всякаго пересмотра ихъ, такъ, какъ нашли ихъ; посему въ этомъ древнемъ собраніи и господствуетъ величайшее разнообразіе перевода и языка. Съ этой стороны, скажемъ мы, чешскій переводъ служитъ не укоромъ, а оправданіемъ Геннадіева собранія, сдѣланнаго также съ отсутствіемъ критики. Въ результатахъ своего изслѣдованія Иречекъ (стр. 378) замѣчаетъ: чешскій древній переводъ не былъ дѣломъ одного какого нибудь вѣка или человѣка, но здѣсь представляются литературные памятники по крайней мѣрѣ трехъ столѣтій и труды человѣкъ семнадцати. Къ самымъ старшимъ переводамъ—древнѣе XIII в.—относятся книга Бытія *), Псалтирь,

*) Выше (стр. 150) о книгѣ Бытія сказано: очевидно, что рано *нѣкоторый* *благочестивый князь* (*děkteru zboždu knež*) ухватился за мысль перевести на чешскій

Товіи, Исходъ и Левитъ, къ позднѣйшимъ — послѣ XIV в. — книги Царствъ, Маккавейскія, меньшихъ пророковъ и Премудрость Соломонова; прочія всѣ отнесены въ XIII или началу XIV вѣка.

Въ заключеніе своего разбора г. Безсоновъ (стр. 87) дѣлаетъ нѣсколько филологическихъ замѣчаній, недовольный Описаніемъ и въ этомъ отношеніи, гдѣ онъ считаетъ себя полнымъ хозяиномъ. Но при этомъ онъ ограничивается только тѣмъ, что, по его словамъ, особенно бросается въ глаза. «Во первыхъ нельзя не пожалѣть, говоритъ онъ, что ученые не приняли въ свое соображеніе отдѣлъ глагольскихъ памятниковъ, хотя бы по тѣмъ сочиненіямъ, которыя объ нихъ изданы. Сличеніе текста глагольскихъ рукописей съ кирилловскими дало бы возможность опредѣлить древность нѣкоторыхъ нашихъ книгъ, напр. Притчей (въ Описаніи стр. 72), Пѣсни пѣсней подъ № 18 (должно быть № 17, слич. реценз. стр. 23) и особенно разныхъ списковъ Новаго Завѣта, изъ коихъ нѣкоторые прямо указываютъ на глаголицу; по крайности для этого слѣдовало бы различить употребленіе словъ: *книга* и *писма*, *письмо* или *писаніе*, *клепя* и *знаменная*, *спннати* и *црннати*, *пробръзчу* въ значеніи *ѣружа* (!), *хлбъ наставшааго дне* и *насушный*. *бытный*, *чртво* и *утроба*, *вслпннати* и *истекати*» и т. п. Какъ ни притязательно это требованіе рецензента отъ описателей рукописей, чтобъ они соображались и съ глаголическими памятниками, можно было бы однако его принять, если бы оно имѣло твердыя основанія и обѣщало положительные результаты. Въ этомъ случаѣ описатели и сами не преминули бы потрудиться для науки. Но какіе глаголическіе памятники библейскаго текста, появившіеся до 1855 г. (когда изданъ 1-й томъ Описанія), или къ тому же относящіеся изслѣдованія ученыхъ разумѣть рецензентъ, мы не знаемъ. До означеннаго года никакихъ таковыхъ памятниковъ не было издано, равно и изслѣдованій о библейскомъ текстѣ глаголическихъ рукописей не было, и безъ данныхъ не могло и

всю Библию и приложилъ руку къ первой книгѣ Моисеевой; однако далѣе сей книги въ переводѣ не успѣлъ.

быть, кромѣ краткихъ замѣчаній Шафарика объ особой глаголической рецензіи въ переводѣ Новаго Завѣта, о которыхъ скажемъ ниже *). Были только между собою несогласныя, болѣе или менѣе шаткія и по недостатку данныхъ (т. е. рукописей) не основательныя мнѣнія, не говоря о прочихъ, Добнера, Добровскаго, Копитара, Шафарика и нашихъ ученыхъ — Прейса, Срезневскаго и Григоровича о времени и мѣстѣ изобрѣтенія и употребленія глаголицы и отношеніи ея къ кириллицѣ. При такомъ положеніи неумѣстно и невозможно было описателямъ пускаться въ требуемая рецензентомъ соображенія. И мы находимъ весьма забавными догадки рецензента, когда онъ вышеозначенный переводъ книги Притчей въ Геннадіевой Библии (Опис. стр. 72) и Пѣсни пѣсней въ отдѣльномъ спискѣ (Опис. стр. 199, № 17) относитъ къ глагольскимъ памятникамъ и чрезъ это даетъ имъ глубокую древность на основаніи лишь встрѣчающагося въ той и другой книгѣ слова: *въслѣпнѣти*, Прит. 18, 4 вода въслѣплѣ, Пѣснь Пѣсн. 4, 15 стѣденець воды живы. йслѣплюща ѿ ливана (другихъ къ тому основаній, при ссылкѣ рецензента только на эти страницы Описанія, мы не видимъ и придумать не можемъ). Что касается новозавѣтнаго текста, то всеъ указанные выше признаки въ немъ глаголицы въ употребленіи словъ *книга* и *писма* и др. взяты рецензентомъ изъ вышепоказанной же записки Шафарика о глаголитѣ (Извѣстія т. 1, 383—386). Шафарикъ въ этой запискѣ, приписывая Клименту Величскому, или другимъ ученикамъ Меодія, переводъ Четвероевангелія по пересмотрѣ первоначальнаго перевода апракосовъ, утверждаетъ, что сей новый или исправленный переводъ былъ въ тоже время Климентомъ переложень съ кириллицы на глаголиту, имъ, Климентомъ, собственно и изобрѣтенную (во второй половинѣ X в.), а потому и допускаетъ особую глаголитскую рецензію — моложе кириллов-

---

*) См. записку Шафарика о глагольской письменности въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, по отдѣленію русск. языка и словесности, т. 1, стр. 367—389.

ской—съ вышеозначенными и другими признаками (тамъ-же, стр. 388). Но вообще отдавая полную справедливость глубокимъ изслѣдованіямъ Шафарика, мы должны безпристрастно замѣтить, что настоящія его замѣчанія о такъ называемой имъ глаголической рецензій священнаго текста составлены поспѣшно и безъ достаточныхъ основаній, да и самая мысль о переложеніи текста Климентомъ съ кириллицы на глаголиту — произвольное предположеніе. При изслѣдованіи Мстиславова списка Евангелія и другихъ древнѣйшихъ сличаемыхъ съ нимъ списковъ апракосовъ и тетровъ (Остромирова, Юрьевского, Галицкаго и двухъ другихъ XII в. и одного XIII в.) указанные Шафарикомъ признаки глаголической рецензій мы подвергли строгому испытанію, — и убѣдились въ ихъ несостоятельности. Эти мнимо-глаголическіе признаки находятся и въ вышеозначенныхъ нашихъ кирилловскихъ спискахъ Евангелій, тетрахъ и апракосахъ, и на оборотъ — по Шафаріку читаемое только въ кирилловскихъ спискахъ встрѣчается и въ глаголическихъ. Напр. Матѹ. 6, 11 хлѣбъ нашъ *насушннй* (признакъ кирилл.) читается и въ Ассемановомъ апракосѣ и въ Зографскомъ тетрѣ (Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы, изд. Срезневскимъ, Спб. 1866, стр. 98, 161), а хлѣбъ *наставшаго дне* (признакъ глагол.) находится въ синодальныхъ и уже не древнихъ спискахъ XIV и XV в. (см. Описаніе слав. рукописей Синод. библіотеки отд. 1, стр. 240). Мар. 1, 35 переведено *утро пробръзгу* (признакъ глагол.) въ древнемъ толкованіи Теофилакта Болгарскаго на Евангелія (Опис. синод. рукописей отд. II, ч. 1, стр. 133). Въ типографскомъ тетроевангеліи (№ 54, перг.) XII в., русскаго письма, принадлежавшемъ новгородскому Аркажскому монастырю, Матѹ. 8, 28 стоитъ: отъ *жалій* исходяща, а въ евангелистаріи или апракосѣ Ассемановомъ (изд. Рачки, въ Загребѣ, 1865, стр. 51) отъ *пробишть*, тогда какъ первое по Шафаріку относится къ глаголитѣ, второе — къ кириллицѣ. Въ томъ же Аркажскомъ спискѣ и Галицкомъ Евангеліи Матѹ. 10, 29 читается, какъ въ глаголическихъ рукописяхъ: не двѣ ли птицы ассаріи *опннмъ* есте? Въ

Ассемановомъ апракосѣ (изд. Рачки) не по глаголической примѣтѣ, а по кирилловской читается (стр. 203): и принесе главу его на *блудн*, и (стр. 178) Мар. 1, 7 ремне *сапогу* его. *Γραφή* или *γραφή* (Свящ. Писаніе), также и *βιβλίον* въ Мстиславовомъ спискѣ и прочихъ безразлично переводится *книги* и *писаніе*, равно какъ и *κοιλία* — *чрево* и *утроба*; въ Мстислав. спискѣ Иоан. 12, 33 въ чтеніи сентября 14: *σημαίων* — *клепя*, но февр. 23 *назнаменовая*. Въ Галицкомъ Евангеліи Иоан. 2, 10 по мнимо-глаголически читается: и егда упьютѣся та чѣѣ (въ прочихъ худее — *τὸν ἐλάσσω*). Въ типографскомъ апракосѣ (№ 60, перг.) XII в. Иоан. 4, 14 также признакъ глаголическій: источникъ воды, *ὕδατος* въ животь вѣчный. Такъ это мѣсто читается и у *Иоанна екзарха* въ синод. спискѣ Богословія Иоанна Дамаскина (по Описанію синодальныхъ рукописей № 155, по прежнему каталогу № 108), перг. XIII в. (л. 304), въ спискѣ поученій Кирилла Іерусалимскаго *болгарскаго* же перевода (№ 114 (478), перг. XII в., л. 202 об.) и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ памятникахъ (слич. въ Пандектахъ Антіоха, Опис. синод. рукописей отд. II, ч. 2, стр. 263). Многихъ другихъ примѣровъ не приводимъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ означенной записки о глаголитѣ, въ 1858 г. Шафарикъ въ сочиненіи своемъ: *Ueber den Ursprung und Heimath des Glagolitismus* развилъ совершенно противоположный предъидущему взглядъ, утверждая, что глаголита древнѣе кириллицы и изобрѣтена самимъ первоучителемъ славянъ Константиномъ философомъ, въ монашествѣ Кирилломъ, а называемая кириллицей греко-славянская азбука придумана вышеозначеннымъ Климентомъ Великимъ (Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. 7, стр. 102 и слѣд.). При этомъ Шафарикъ опять проводить глаголитскую рецензію свящ. текста съ тѣми же, а отчасти и со вновь прибавленными признаками, считая ее теперь уже древнѣйшею, первоначальною, а кирилловской усвоивъ только послѣдующія и позднѣйшія поправки (тамъ же, стр. 107). Мнѣніе это, какъ ни искусно и остроумно было изложено, вообще не

принято учеными *); но оно возбудило вящшія занятія глаголитой. Специалистъ по сей части, И. И. Срезневскій, въ слѣдъ за древними (кирилловскими) памятниками юго-западныхъ славянъ, издалъ въ 1866 г. и «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы». Это изданіе, вмѣстѣ съ полнымъ изданіемъ Ассеманова Евангелистарія д-ра Рачки, въ Загребѣ, дало возможность изслѣдовать текстъ глаголическихъ памятниковъ,—и при этомъ, мы думаемъ, окончательно рушились предположенія Шафарика объ особенностяхъ и древности глаголической рецензій библейскаго текста. Самъ издатель памятниковъ, г. Срезневскій, сличивъ довольно большія выписки изъ Ватиканскаго Евангелія съ Остромировымъ спискомъ, нашель, что текстъ евангельскій въ обоихъ одинъ и тотъ же, что встрѣчающіяся иногда различія чтеній между ними таковы же, какъ и въ разныхъ кирилловскихъ спискахъ, сравниваемыхъ между собою, не болѣе, при томъ пальму древности отдаетъ Остромирову списку (Древніе глаголическіе памятники, стр. 70 и слѣд.). Не древность текста справедливо замѣчена (стр. 162) въ глаголическихъ листкахъ Михановича (*алѣбъ наставшаго дне*) и во всѣхъ вообще Еванг. спискахъ, а позднія исправленія. Одни и тѣже чтенія по разнымъ глаголическимъ спискамъ, сравниваемыя между собою, представляютъ разности какъ въ переводѣ свящ. текста, такъ и въ формахъ языка (см. стр. 83, 136, 141, 157), также какъ это бываетъ и въ кирилловскихъ спискахъ. Къ существеннымъ признакамъ глаголической рецензій Шафарикъ теперь относилъ еще слова *хрисма*, *крижь* и *ядро*, вмѣсто коихъ въ Кирилловскихъ спискахъ всегда будто бы употребляется *миро*, *крестъ*, *скоро*. Но а) въ Ассемановомъ глаголитскомъ евангелистаріи всегда (8 разъ) употребляется *миро*, см. Матѳ. 26, 7. 9. 12 (по изд. Рачки стр. 116), Лук. 7, 37. 38 (стр. 153), Иоан.

*) См. Срезневскаго изложеніе сего взгляда въ Извѣстіяхъ Академіи т. 7, стр. 102 и слѣд., замѣчанія въ «Памятникахъ глаголическихъ» и статью г. Викторова въ Лѣтописяхъ русской словесности, т. II: Последнее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ.

11, 2 (стр. 107), 12, 3. 5 (стр. 110), всегда (11 разъ)—*крѣстъ* Матѳ. 10, 38 (стр. 53), 27, 32. 40. 42 (стр. 139), Мар. 8, 34 (стр. 103), 15, 21. 29. 32 (стр. 134), Лук. 9, 23 (стр. 154), Иоанн. 19, 25. 31 (стр. 135, 152), всегда (4 раза)—*скоро* Лук. 14, 21 (стр. 85), Иоан. 11, 29 и 31 (стр. 108), Матѳ. 28, 7, и только однажды въ слѣдующемъ 8 стихѣ глагола (*ibid.*). По выпискамъ уг. Срезневскаго въ Афонскомъ Четвероевангеліи Григоровича Иоанн. 11, 2 помазавъишѣ га мурож (Пам. глагол. стр. 108), въ Зографскомъ Евангеліи Матѳ. 10, 38 крѣста своего, 16, 24 крѣсть (стр. 139, 149). Съ другой стороны б) въ кирилловскихъ спискахъ, напр. въ вышеозначенномъ типографскомъ тетрѣ № 54 Мар. 14, 4. гибель хрисмыная, 5. можааше бо си *хрисма* (греч. только *тѣто*), 8. похрисмити (*μυρίσαι*), но Матѳ. 26, 7. стклянницу благовонны масти; въ Мстиславовомъ Евангеліи Лук. 7, 37 въ чтеніи сент. 16 стклянницу масти, 38. мазаше мастию, но въ чтеніяхъ отъ Лук. понед. 4 алавастръ хрисмы, мазаше хрисмою; въ Галицкомъ спискѣ Матѳ. 26, 7. 9. 12 масть, Лук. 7, 37. 38; Иоан. 11, 2; 12, 3. 5. хрисма. Все сіи и вышеприведенные примѣры ясно опровергаютъ теорію Шафарика о глаголитской рецензії библейскаго текста, — и знаменитый ученый, конечно, не допустилъ бы такой странности, если бы достаточно вникнулъ въ текстъ глаголитскій и подъ руками имѣлъ большее число кирилловскихъ списковъ. Съ своей стороны, не признавая особой глаголитской рецензії, мы думаемъ, что все ея мнимыя особенности буквально переписаны съ кирилловскихъ списковъ, а потому въ памятникахъ нерѣдко среди глаголическаго письма встрѣчаются строки и кирилловскихъ писменъ. Возвратимся теперь къ замѣчаніямъ нашего рецензента. Шафарикъ въ запискѣ о глаголитѣ, по сходству въ Галицкомъ Евангеліи нѣкоторыхъ чтеній съ глаголитскими, считалъ оное спискомъ съ глаголитскаго оригинала (Извѣстія Академіи т. 1, стр. 388). Рецензентъ, настаивая на сличеніи вошедшихъ въ Описаніе кирилловскихъ списковъ съ глаголитскими, говоритъ (стр. 87): «одно Галицкое Евангеліе при этомъ возбудило бы сколько любопытныхъ соображеній! Все кажущіяся

странности правописанія, которыя замѣчены изслѣдователями на стр. 214, объяснялись бы для нихъ прямо и удовлетворительно изъ глаголицы». Не понимаемъ. Правописаніе Галицкаго Евангелія имѣетъ весьма близкое сходство съ правописаніемъ Изборника Святославова (см. Описаніе синод. рукописей, отд. I, стр. 213—214, слич. отд. II, ч. 2, стр. 404—405); но самъ Шафарикъ оба Изборника Святославова считаетъ представителями памятниковъ кирилловскихъ (Ueber d. Ursprung des Glagolitismus, см. Извѣстія Академіи Наукъ, т. 7, стр. 110). Особенности формы его надобно производить отъ мѣстнаго нарѣчія (какъ напр. дъжчъ, доселѣ сохранившуюся въ венгерскомъ языкѣ (см. Словарь Миклошича), — и вслѣдствіе своего происхожденія на югѣ эта рукопись естественно должна во многомъ сходствовать съ южно-славянскими памятниками. Что же касается до самаго текста, то Галицкій списокъ нерѣдко представляетъ такія оригинальныя чтенія, коихъ слѣда не только нѣтъ въ глаголическихъ, но не всѣ встрѣчаются и въ кирилловскихъ Евангеліяхъ. Такъ Матѹ. 14, 26 и Мар. 6, 49 φάντασμα въ немъ переведено — безтѣлесный призоръ, βλασφημία Матѹ. 12, 31 — вредно глаголанье, но Мар. 14, 16 беззаконно разумѣнье о божескихъ, ἄρτον τὸν ἐπίσσιον Матѹ. 6, 11 хлѣбъ достоинъ естеству, но Лук. 11, 3 надневный. По отмѣткамъ на полѣ видно, что писецъ Галицкаго Евангелія заимствовалъ чтенія изъ разныхъ кирилловскихъ списковъ. За симъ рецензентъ рекомендуетъ описателямъ принять во вниманіе означенную записку Шафарика о глаголитѣ и сдѣлать по ней дополненія, а также и исправленія, именно въ объясненія перевода Ис. 23, 8 ἥσσω словомъ *тгченъ*, т. е. равный. Въ Описаніи (стр. 87) это произведено отъ ошибочнаго чтенія ἥσος вмѣсто ἥσσω, а по рецензіи — при правильномъ чтеніи здѣсь *тгченъ* происходитъ отъ глагольскаго тачакъ, тачѣкъ — хуже. И съ симъ нельзя согласиться: ибо а) ни чѣмъ не доказано глаголическое собственно происхожденіе слова тачакъ, встрѣчающагося и въ кирилловскихъ памятникахъ (см. Словарь Миклошича); б) указанные въ Описаніи (на стр. 87) примѣры ошибочныхъ чтеній свящ.

текста часто встрѣчаются въ славянскихъ переводахъ, какъ видно между прочимъ въ послѣдующихъ томахъ Описанія изъ разсмотрѣнія текстовъ Св. Писанія въ древнихъ памятникахъ и изъ примѣровъ у Шафарика въ сочиненіи: *Ueber d. Ursprung des Glagolitismus* (Изв. т. 7, стр. 107); в) въ Словарѣ Миклошича къ слав. тѣчнѣ приставлено именно греч. ἴσος, такъ переводимое; г) сливать тѣченъ съ тачакъ — слишкомъ произвольно и не естественно. На послѣдующее замѣчаніе о годинѣ (стр. 88), означающей у переводчика книги Есѡири 1, 13 не годъ собственно, какъ признано въ Описаніи (стр. 54), а по рецензіи — судьбы, скажемъ, что буквальность сего переводчика видна и изъ многихъ другихъ тамъ (стр. 54) приведенныхъ мѣстъ и что слово година вездѣ употребляется имъ въ смыслѣ года 4, 14. 5, 3. 8, 9. 9, 26. 27 (послѣднее тамъ же). «Переводъ Есѡири, говоритъ рецензентъ, описателями выводится изъ Польши; но слова и обороты, приводимые въ доказательство, относятся столько же и къ чешскому языку, означая гораздо проще западное славянское нарѣчіе». На это скажемъ, что въ Описаніи не изъ Польши прямо произведенъ переводъ и языкъ польскимъ не признанъ, а сказано: «переводъ сдѣланъ, вѣроятно, близъ Польши, выходцемъ изъ тѣхъ странъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчи, приближающимся къ польскому языку». Надобно быть слишкомъ произвольнымъ, чтобы таковыя выраженія, въ Описаніи представленныя (стр. 55—56), относить къ чешскому или какому нибудь другому западному нарѣчію. Не явные ли это признаки малороссійскаго, бѣлорусскаго или можетъ быть и литовскаго нарѣчія: улюбіе (угодность), абы (чтобы), приклякая (припадаая), охота (веселіе), избудучися (избавившись), погонници ѣздяху на борзыхъ конѣхъ, жидовяхуся (принимали еврейскую вѣру), такъ ясно указывающее на бывшую у насъ ересь жидовствующихъ, тивунъ, староста, 3, 12. 8, 10. приставъ, поземникъ, 8, 11. погубити добытки ихъ по располону (добычу взятую грабежемъ), 10, 3 волникъ (польское *wolnik*—вольный господинъ, панъ), 1, 6 вервми шолковыми и лептугъ (*funiculis byssinis et*

purpureis), или 8, 15 ушибъ (чит. ушивъ?) шолковъ летужень (*stola byssina aut purpurea*). Гораздо ближе къ истинѣ и съ дѣломъ сообразнѣе преосв. Филаретъ (Обзоръ духовной литературы, Харьковъ 1859, стр. 146), приписывая этотъ переводъ книги Есеири, совершенный по волѣ митрополита Филиппа I (1464—1473) новокрещенному еврею Θεодору, замѣчаетъ, что встрѣчающіяся въ немъ (вышеприведенныя) слова даютъ видѣть въ переводчикѣ челоуѣка долго жившаго на русскомъ югѣ, но не поляка (слич. Опис. синод. рукоп. т. 1, стр. 55 прим.). Судя по тѣмъ же словамъ и г. Востоковъ переводъ книги Есеири съ вѣроятностію полагалъ «въ Россіи» (Опис. Румянц. музея стр. 35). Слово *бохма*, по Описанію взятое изъ какихъ-то «другихъ нарѣчій», рецензентъ (стр. 88) признаетъ чисто славянскимъ, употребляемымъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ и у разныхъ славянъ. Не входя въ споръ объ этой мелочи, въ оправданіе свое скажемъ, что и въ толкованіи неудобъ познаваемыхъ рѣчей у Калайдовича (Іоаннъ, ексархъ болгарскій, стр. 196) бѣхма отнесено къ словамъ, оставленнымъ не переведенными, что оно встрѣчается обыкновенно въ болгарскихъ памятникахъ (см. Слов. Миклошича) и не имѣется въ сербскихъ словаряхъ ни у Караджича, ни у Даничича. Наконецъ рецензентъ дѣлаетъ общій приговоръ: «такихъ примѣровъ (какъ произведено бѣхма) можно бы привести довольно. Вообще половина словъ и оборотовъ, признанныхъ «темными, ошибочными или произвольными», казалась намъ вовсе не темною, не ошибочною и не произвольною. Но это все мы предоставляемъ разобрать себѣ послѣ въ филологическомъ дополненіи къ труду изслѣдователей». Конечно, Описаніе не чуждо филологическихъ недостатковъ; но какъ-то они и въ какой степени вкрались, обличенія сего доселѣ не явилось въ обѣщанномъ дополненіи рецензента. Между тѣмъ не безызвѣстно, какое вниманіе обратилъ на Описаніе синодальныхъ рукописей съ этой (филологической) стороны г. Миклошичъ въ извѣстномъ своемъ Словарѣ (*Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latino, emendatum et auctum, Vindob. 1862—65*), и въ какой степени воспользовался имъ, не скрываетъ онъ самъ.

Симъ заключаются наши отвѣты на рецензію г. Безсонова по I тому Описанія синод. рукописей, такъ растянувшіеся сверхъ желанія нашего. По главному пункту мы думаемъ, что оспориваемая имъ наша мысль о неполномъ составѣ Библии до временъ Геннадія дотолѣ будетъ стоять, доколѣ не откроется древнихъ переводовъ недостающихъ книгъ; а этого открытія доселѣ не послѣдовало и едва ли когда будетъ.

II.

На *второй* по числу томъ, или первую часть 2-го отдѣла, описывающую рукописи по толкованію Св. Писанія, въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію (т. 7, стр. 201—204) помѣщена рецензія редактора Извѣстій И. И. Срезневскаго, написавшаго таковую и на I томъ Описанія въ тѣхъ же Извѣстіяхъ (т. 5, стр. 36—43). Скажемъ мимоходомъ, что почтеннѣйшій академикъ ни въ той, ни въ другой рецензії относительно I-го тома не выразилъ тѣхъ сомнѣній и притязаній, какія находятся въ критикѣ г. Безсонова. Въ первой рецензії (стр. 43) онъ только замѣчаетъ: «можно бы пожелать (отъ описателей) болѣе выписокъ, болѣе замѣчаній о языкѣ въ отношеніи къ правильности передачи греческихъ словъ и выраженій славянскими, особенно терминовъ знанія. Но чего нельзя выдумать, желая — прибавляетъ за тѣмъ. Желаніямъ, какъ и любознательности, нѣтъ предѣловъ». Мы съ своей стороны на это замѣчаніе, впрочемъ, скажемъ, что существенныя отличія отъ нынѣшняго печатнаго текста въ чтеніяхъ (варіантахъ) и переводѣ свящ. книгъ нами отмѣчены, а разбирать то, что находится и въ печатномъ изданіи Библии, мы не разсудили, предоставляя сіе для всякаго доступное дѣло самимъ изслѣдователямъ перевода и языка. Во второй рецензії (стр. 202) о сдѣланшемся спорнымъ вопросѣ онъ говоритъ: «разборъ синодальныхъ рукописей, въ которыхъ содержатся списки переводовъ Свящ. Писанія, составилъ содержаніе перваго

тома и далъ поводъ къ рѣшенію вопроса о судьбахъ перевода книгъ Ветхаго и Новаго Завета на церковный языкъ. Богатства Синодальной бібліотеки (показано число рукописей по Св. Писанію) дали возможность рѣшить вопросъ почти окончательно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ сомнѣній и недоразумѣній». Какихъ именно частныхъ сомнѣній и недоразумѣній—рецензентъ не объяснилъ; но, можетъ быть, они теперь уже разрѣшены. За тѣмъ о второмъ томѣ Описанія, приводя слова предисловія къ нему самихъ составителей: «въ XII столѣтіи становится извѣстнымъ у славянъ толкованія Теофилакта Болгарскаго на Евангелія», г. Срезневскій съ своей стороны замѣчаетъ: *почему, впрочемъ, именно въ XII вѣкѣ, это въ Описаніи не объяснено*. Это недоумѣніе, единственное во всей рецензії, мы и хотимъ теперь разрѣшить, тѣмъ болѣе, что сего требуетъ и важность вопроса.

Хотя списковъ толкованія Теофилакта Болгарскаго ранѣе XIV—XV в. мы не знаемъ, однако не сомнѣваемся переводъ его отнести къ XII вѣку. 1) Въ Мстиславовомъ Евангеліи, писанномъ въ началѣ XII вѣка, и въ другихъ того же времени спискахъ нѣкоторыя прибавленія или отступленія отъ принятаго нынѣ текста, очевидно, сдѣланы по толкованію Теофилакта Болгарскаго. Надобно думать, что толкованія отцевъ и учителей церкви на Свящ. Писаніе явились у славянъ въ слѣдъ за переводомъ его. Іоаннъ, пресвитеръ и ексархъ болгарскій, говоритъ о себѣ, что, лишь только перевели св. Кириллъ и Меѳодій свящ. книги, онъ возымѣлъ покушеніе (хотѣвъ окусити) прѣложить въ словѣнскъ языкъ готовая (т. е. на греческомъ существующія) учительская сказанія, — и изъ нихъ составилъ свой Шестодневъ (см. Прологъ къ Богословію Іоанна Дамаскина по извѣстному синод. списку № 108, перг. XIII в.). И сами переводчики, тѣмъ болѣе послѣдующіе приправщики, въ нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстахъ могли воспользоваться отеческими толкованіями, слѣды чего находимъ даже въ самыхъ греческихъ спискахъ. Что касается до Теофилакта, архіепископа болгарскаго, написавшаго свое толкованіе Евангелій на греческомъ языкѣ для царицы

Маріи (греческой), во второй половинѣ XI в. (см. Описаніе синод. рукописей отд. II, ч. 1, стр. 127), то естественно, что оно, будучи сокращеніемъ Златоустовыхъ толкованій, тотчасъ должно было обратить на себя вниманіе славянъ, если только не было переведено на славянскій по распоряженію самого архіепископа. Вышепомянутые слѣды употребленія сего толкованія въ Мстиславовомъ Евангеліи и другихъ спискахъ суть слѣдующіе: Матѳ. 5, 22 (среда св. пятидесятницы, л. 28 об.) въ Мстиславовомъ спискѣ Евангелія читается: иже бо речеть брату своему рака — *рака бо речеться сурьскы опльванъ*. Сіе пояснительное прибавленіе, не встрѣчающееся въ вариантахъ ни у Шольца (Nov. Testamentum Graece, Lipsiae 1830), ни у Маттея (Nov. Testamentum Graece et Latine, Rigae 1782—88), ни у Типендорфа (Nov. Testamentum Graece, editio septima, Lipsiae 1859), взято изъ толкованія Теофилакта Болгарскаго на это мѣсто, гдѣ по синодальной рукописи № 302 (въ Описаніи № 87) л. 24 об. читается: нѣщїи же рака, сирьскы оплеване толкуетса (τινὲς δὲ τὸ ραχὰ, συρίζι κατάπτυσον φασὶ συραίνεσθαι). Такое же прибавленіе, какъ Мстиславовъ, имѣютъ и списки Евангелій-апракосовъ: Москов. синод. типографіи № 60 (XII в.), Синодальной библіотеки по печ. Описанію № 21 (1307 г.), 23 (1355), 24 (1357) и другіе XIV в. съ годами (см. Описаніе синод. рукоп. отд. I, стр. 242), равно и списокъ Новгородской Софійской библіотеки XIV в. (Извѣстія Академіи Наукъ, т. 6, стр. 278). Далѣе въ Мстиславовомъ спискѣ Лук. 11, 22 (четверт. 6 недѣли, л. 83) читается съ прибавленіемъ: и плѣнъ ѿго раздають *иному*. И этого прибавочнаго слова «иному» не значится въ вариантахъ помянутыхъ изданій. А у Теофилакта Болгарскаго хотя въ текстѣ также нѣтъ слова *иному*, но въ толкованіи на оный сказано: и корысть его рекше члкъы. яжъ имѣ плѣнники истергнѣ отъ него и дахъ ѿ *иномуу* агг°лѣ хранити. Кромѣ такихъ вариантовъ, и переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соображенъ съ толковымъ текстомъ Теофилакта Болгарскаго. 2) Ясные слѣды употребленія толкованія Теофилакта Болгарскаго въ томъ же XII вѣкѣ находятся еще въ *поученіяхъ Кирилла, епископа туровскаго*.

Въ словѣ о разслабленѣмъ *отъ сказанія евангелскаго* онъ говоритъ отъ лица Господа: възискавъ обрѣтохъ шьдшаго въ пути не *благы* кумирслуженія, обязахъ раны уязвнаго *бъсовьскими* разбойники, възляхъ на язвы его *моєя* *кръве* вино и масло, и възьмъ *на тѣла моего* скотъ, вѣнесохъ въ гостиньницу, *святую церковь*, дахъ два сребрьника гостиньнику, *новый и ветхый законъ святителемъ*, да прилежать ученіемъ людемъ, обѣцахъ и мзду *по възвращеніи моемъ* спасшимъ грѣшники (Памятники XII в., изд. Калайдовичемъ, стр. 51). Это таинственное объясненіе притчи о человѣкѣ, впадшемъ въ разбойники, взято изъ толкованія Теофилакта Болгарскаго на сію притчу Лук. 10, 29—37 (по чудовскому пергам. списку XIV—XV в., л. 72 об.—74 об.); подчеркнутыя слова читаются и въ толкованіи. Въ словѣ о слѣпци — отъ сказанія еуангельскаго (Памятн. стр. 56—57) также видно заимствованіе изъ Теофилактова толкованія о слѣпорожденномъ Іоан. 9, 1 и слѣд.

III.

Изъ рецензій на *третій* по выходу томъ Описанія синодальныхъ рукописей (2-го отдѣла, вторая часть—Писанія св. отцевъ догматическія и духовно-правственныя) мы обратимъ вниманіе на рецензію *свящ. Г. П. Смирнова-Платонова* (Православное Обозрѣніе 1860, № 6 (іюнь), стр. 231—276).

Въ началѣ рецензентъ замѣчаетъ, что наука нынѣ должна быть строже, чѣмъ когда либо, — вести свои изслѣдованія для общей пользы, и желаетъ, чтобъ особенно былъ объясненъ историческій ходъ нашей церковной жизни. Раскрывая за тѣмъ понятіе этой внутренней исторіи церкви, говоритъ: «первоначальное распространеніе христіанства въ нашемъ отечествѣ, постепенное умноженіе храмовъ и монастырей, перемѣны церковной іерархіи, совокупность церковныхъ событій и пр. все это еще не обнимаетъ внутренней исторіи нашей церкви, или лучше все это со-

ставляетъ нашу церковную исторію, но еще не выражаетъ *исторіи въры* въ нашей церкви. Подъ покровомъ историческихъ явленій и событій движется жизнь внутреннихъ началъ вѣры, жизнь не всегда доступная прямо наблюденію, тѣмъ не менѣе всегда дѣйственная и обладающая великою силою историческаго вліянія. Общіе матеріалы церковной исторіи суть *историческія свидѣтельства* въ лѣтописяхъ, актахъ и т. п. Матеріалы для внутренней исторіи церкви имѣютъ *литературный характеръ*, и преимущественно заключаются въ памятникахъ церковной письменности». Теперь, одобряя Описаніе синодальныхъ рукописей въ библиографическомъ отношеніи, г. рецензентъ (стр. 245) упрекаетъ отсутствіе въ немъ историческихъ замѣчаній, кои могли бы проливать свѣтъ на эту внутреннюю исторію нашей церкви, объяснять ходъ нашей внутренней церковной жизни. «Не выходя изъ круга библиографическихъ требованій, изслѣдованіе памятниковъ, говоритъ онъ, можетъ быть ведено съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ ихъ внутренняго историческаго значенія. Первая мысль, которая должна лежать въ основѣ изслѣдованій о каждой *исторической библиотекѣ*, есть мысль ея историческаго происхожденія и значенія. Рукописи библиотеки патриаршей собрались въ личную ихъ совокупность не случайно, а вслѣдствіе одной исторической потребности, образовавшей эпоху во внутренней исторіи нашей церкви. Эта потребность, по коей и составилось собраніе рукописей и книгъ Синодальной библиотеки, какъ объяснено далѣе, была—исправленіе церковныхъ книгъ въ XVII в., веденное при всѣхъ бывшихъ у насъ патриархахъ. Изученіе рукописей патриаршей библиотеки (стр. 248) въ ея цѣломъ составѣ есть ничто иное, какъ изученіе того движенія, которое наполняетъ исторію нашей церкви въ данное время». Такимъ образомъ рецензентъ, требуя отъ описателей, чтобъ они объясняли отношеніе рукописей къ исторіи внутренней жизни нашей церкви, въ частности сводить всѣ замѣчанія — къ дѣлу книжнаго исправленія, послужившаго основаніемъ и правиломъ, или поводомъ и цѣлю составленія всей библиотеки. На все это описатели съ своей сто-

роны могутъ представить слѣдующее: 1) требованіе рецензента, чтобъ при описаніи рукописей синодальныхъ постоянно было обращено вниманіе на внутреннюю исторію церкви, на исправленіе книгъ, — излишне и не имѣетъ твердаго основанія. Нельзя сказать рѣшительно, чтобъ Синодальная библіотека образовалась по поводу исправленія у насъ церковныхъ книгъ: нѣсколько рукописей, конечно, сохранилось еще отъ древнихъ временъ, отъ митрополитовъ всероссійскихъ (см. Указатель Синод. библіотеки, архим. Саввы, изд. 3, Москва 1858, стр. 2), часть рукописей прислана въ даръ отъ греческихъ и славянскихъ святителей и монастырей, безъ отношенія къ книжному исправленію, а болѣе по полемическому ихъ содержанію противъ латинъ (тамъ же, стр. 3—4, 8, 13), часть пріобрѣтена случайными покупками у разныхъ лицъ (тамъ же, 11, 12, 13), часть досталась по смерти патріарховъ (Филарета, Никона, Іоакима и Адріана) изъ келейныхъ ихъ библіотекъ, также разнаго содержанія, равно и труды, переводныя и оригинальныя, духовныхъ ученыхъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ XVII и XVIII в., изъ коихъ только немногіе были сопрякосновенны дѣлу исправленія (тамъ же, стр. 16); наконецъ въ 1722 г., съ цѣлію собрать историческія матеріалы, указомъ вытребованы были изъ епархій и монастырей лѣтописцы, церковныя и гражданскія, хронографы и т. п. (тамъ же, стр. 17, слич. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, т. 1, стр. 318). Все это, хотя не въ цѣлости, доселѣ сохраняется въ Синодальной библіотекѣ. Какъ же такія рукописи пріурочивать къ дѣлу книжнаго исправленія, или и къ самой внутренней исторіи русской церкви? 2) О тѣхъ рукописяхъ, кои дѣйствительно въ извѣстной степени могли выражать эту внутреннюю жизнь церкви и относиться къ книжному исправленію, мы думаемъ, что это и показано въ Описаніи на столько, сколько можно было это сдѣлать въ предѣлахъ Описанія и сколько требовалось по мысли самого рецензента. «Внутренняя исторія церкви, говорить онъ (стр. 233), достаточно изслѣдованная, объяснить не только усвоеніе православной вѣры, принятой отъ нѣ, но и само-

стоятельное раскрытіе ея началъ въ отечественной церкви, въ ихъ отношеніи къ историческому ходу нашей жизни. Такъ первоначальный переводъ книгъ священныхъ, умноженіе славянскихъ библейскихъ списковъ, различіе въ переводахъ, сводъ ихъ въ составъ Библии, постепенное исправленіе текста — покажетъ исторію усвоенія и разумѣнія слова Божія въ нашей церкви, и объяснитъ тотъ послѣдній видъ, какой имѣеть у насъ Библия». Не все ли это показано въ 1-мъ томѣ Описанія Синодальной бібліотеки, въ изложеніи рукописей по Свящ. Писанію въ частности, и въ общемъ обзорѣ въ введеніи къ тому? Мысли рецензента тѣже самыя, что и въ этомъ введеніи изложенныя, какъ результатъ изслѣдованія рукописей. Далѣе рецензентъ пишетъ: «переводъ книгъ богослужебныхъ, ихъ видоизмѣненіе въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ, ихъ дополненіе службами въ Россіи составленными, ихъ сличеніе съ греческими подлинниками и исправленіе — представить намъ исторію православнаго богослуженія въ русской церкви и объяснить настоящее его состояніе». Все это съ самаго начала было въ планѣ описателей, — и какъ они выполнили, или могли выполнить оный, довольно или скудно, хорошо или худо, покажетъ имѣющій теперь явиться томъ Описанія книгъ богослужебныхъ. «Славянскіе переводы твореній отеческихъ, продолжаетъ рецензентъ, возобновленіе переводовъ, обогащеніе догматической литературы произведеніями русскихъ писателей, опыты символическихъ изложеній, появившихся у насъ — покажутъ исторію православной догматики въ русской церкви и объяснятъ настоящій видъ нашего богословія». Въ отвѣтъ на все это мы можемъ указать на третій томъ Описанія и на его предисловіе такимъ же образомъ, какъ выше указали на первый: въ немъ (3 томѣ) изложены и признаками опредѣлены по времени и мѣсту происхожденія древніе переводы отцевъ церкви, вторичныя потомъ переложенія ихъ въ XVII в., показаны догматическія и духовно-нравственныя творенія русскихъ духовныхъ писателей и опытъ православнаго исповѣданія Петра Могилы. Послѣдующій 4-мъ томъ, представляющій разныя богословскія сочиненія, от-

крываетъ другія стороны этой «внутренней церковной жизни», именно излагаетъ памятники *проповѣди* въ нашей церкви съ древнихъ временъ до позднѣйшихъ (списки Измарагда, Златоустника, поученія Григорія Цамблака, митрополита Данила, опыты ихъ въ XVII в. въ Кіевѣ и Москвѣ), *полемическія* сочиненія, переводныя и оригинальныя, противъ латинъ, лютеранъ и своихъ раскольниковъ, и особенно знакомитъ съ разнообразною церковною литературою въ концѣ XVII в. (см. предисловіе къ этому 4 тому). 3) Намъ кажется, что Описаніе, указывая и по возможности объясняя памятники, обращавшіеся въ нашей церкви и показывающіе духовно-литературную въ ней дѣятельность, тѣмъ самымъ и исполняетъ требованіе рецензента относительно внутренней исторіи церкви. Чего же онъ желаетъ еще, мы недоумѣваемъ. Ужели того, чтобъ каждый таковой памятникъ, даже и общаго догматическаго и нравственнаго содержанія (такъ какъ рецензія сдѣлана на Описаніе такихъ рукописей), кромѣ изложенія его по главамъ, былъ подробно анализированъ въ его содержаніи, съ показаніемъ, какое онъ имѣлъ употребленіе въ церкви и у православныхъ, какъ способствовалъ развитію жизни духовной и т. д.? Это было бы уже слишкомъ требовательно, и Описаніе, по такой мысли сдѣланное, далеко вышло бы изъ своихъ предѣловъ и значенія.

Кромѣ разсмотрѣннаго, рецензентъ дѣлаетъ другіе упреки Описанію. «Отсутствіе *историческаго начала въ Описаніи* Синодальной бібліотеки, говоритъ онъ (стр. 248), весьма замѣтно и сопровождается нѣкоторыми особенностями, довольно рѣзко бросающимися въ глаза. . . Исслѣдователи привносятъ нѣчто чуждое дѣлу, какимъ оно представляется непосредственно съ исторической точки зрѣнія. Такъ въ описаніи рукописей біблейскихъ сперва берутся *полныя* рукописные списки Библии, образовавшіеся въ позднее время, а потомъ разсматриваются отдѣльные списки, нерѣдко очень древніе; такъ въ описаніи рукописей догматическаго содержанія принимается за основаніе хронологическій порядокъ греческихъ авторовъ, начиная съ I вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, а не старшинство славянскихъ переводовъ, такъ

что ходъ русской церковной жизни скрывается отъ непосредственнаго наблюденія». Отвѣчая на первое замѣчаніе, что напрасно въ главу библейскихъ рукописей поставлены полные списки, высказанное еще въ критикѣ г. Безсонова, приемъ описанія въ этомъ случаѣ мы представили общему сужденію и соображенію, лучше ли было бы, еслибъ поступлено было по требованію рецензента. Теперь мы сами объяснимся. Строго слѣдую старшинству списковъ, надлежало бы помѣстить на первомъ мѣстѣ Евангелія, притомъ только пергаменные, отдѣливъ отъ бумажныхъ, имѣющихъ и особую редакцію, потомъ Псалтирь перг. XIII в. (въ Описаніи № 13) съ двумя списками XVI в. (№ 14, 15), отдѣливъ отъ нихъ куда нибудь въ другое мѣсто № 16 совсѣмъ другаго, позднѣйшаго перевода, за тѣмъ два старшіе пергаменные списка Апостола (въ Опис. № 45, 46), отдѣливъ отъ прочихъ, опять представляющихъ особую редакцію, за симъ уже полные списки Библии, въ сопровожденіи правленныхъ при Петрѣ I (хотя такое соединеніе опять было бы не по правилу), за ними отдѣльные списки книгъ ветхозавѣтныхъ съ Навина до Есѣири № 12, Паремейника № 17, книгъ пророческихъ № 18 и 19, всѣ XVI в., бумажные списки Евангелія и Апостола. Что же это былъ бы за порядокъ? И развѣ старшинство списковъ непременно ручается за старшинство и достоинство самаго перевода? Не то мы видимъ и показали выше (стр. 15—16) въ пергаменномъ спискѣ Псалтири № 13 сравнительно съ текстомъ ея въ полныхъ спискахъ. И какъ вести изслѣдованіе текста при такомъ размѣщеніи рукописей, на какихъ спискахъ оное основать и какіе къ нимъ подводить? не нужно ли будетъ и здѣсь (что находятъ неудобнымъ) также часто возвращаться къ предыдущему или ссылаться на послѣдующее и еще съ большею неудобностію? Наконецъ, при такой разрозненности списковъ одной книги.— какъ можно видѣть заразъ ихъ богатство и разнообразіе? Порядокъ же, установленный въ Описаніи, кромѣ неотъемлемаго преимущества естественности его, — болѣе приличенъ и удобенъ для изслѣдованія, потому что полные списки Библии содер-

жать древнѣйшій текстъ и Пятокнижія съ ближайшими къ нему историческими книгами, и Пророковъ, и Псалтири и нѣкоторыхъ другихъ учительныхъ книгъ — кромѣ исправленнаго текста Новаго Завѣта. Такимъ образомъ естественно было полные списки поставить въ основаніе изслѣдованія текста и подводить къ нимъ въ порядкѣ слѣдующіе отдѣльные списки. Что касается втораго сроднаго съ симъ упрека, что въ описаніи отеческихъ твореній принять хронологическій порядокъ самихъ отцевъ, а не старшинство славянскихъ переводовъ сихъ твореній, то предлагаемый порядокъ сравнительно съ принятымъ еще болѣе неоснователенъ и неудобенъ. Какая при этомъ явилась бы странная по времени смѣсь твореній отеческихъ; по какимъ основаніямъ опредѣлительно и безошибочно можно было бы размѣстить по старшинству всѣ переводы, особенно при отсутствіи филологическихъ и подобныхъ замѣчаній, не нужныхъ по мнѣнію рецензента; наконецъ, какъ эти переводы, почти исключительно болгарскіе и сербскіе, могли бы открывать наблюдателю ходъ *русской* церковной жизни! Но вотъ слѣдуетъ и третій еще упрекъ (стр. 248): «Равнымъ образомъ въ замѣнъ сосредоточеннаго вниманія къ цѣлому ходу церковной жизни, составители нерѣдко заняты посторонними, почти случайными требованіями: таково напр. намѣренное пополненіе словаря г. Востокова новыми словами, выписки которыхъ многочисленны. Это — ученая роскошь, не совсѣмъ умѣстная тамъ, гдѣ требуется еще удовлетворить самыя существенныя потребности». Но этимъ самымъ томомъ — описаніемъ духовныхъ твореній отцевъ, на который написана критика, — составители могутъ свидѣтельствоваться, что хотя они не преслѣдовали такую идеальную и неудобноисполнимую мысль, но гдѣ встрѣчалось что нибудь дѣйствительно историческое и замѣчательное для церкви въ литературномъ и другихъ отношеніяхъ, — не опускали безъ вниманія, указывая или на прежнія изслѣдованія или дѣлая выписки. Таковыя извѣстія и замѣчанія можно находить напр. въ описаніи твореній препод. Максима Грека № 191, въ прибавочныхъ статьяхъ твореній Симеона Фессалонитскаго

№ 179, Григорія Богослова № 121, Григорія и Нила Солунскихъ № 177. Въ слѣдующемъ же томѣ сюда относятся замѣчанія на творенія Никона Черногорца № 226—229, на Измарагдъ и Златоустникъ—эти древне-русскія поученія—№ 230, 231, на слова Григорія Цамблака и митроп. Даніила № 235 и 237, на Палинодію Захаріи Копыстенскаго № 272 и на обширный полемическій сборникъ—Щитъ вѣры № 310. Что касается нашихъ филологическихъ и другихъ подобныхъ замѣчаній, то отнюдь мы не считаемъ ихъ дѣломъ постороннимъ и случайнымъ. Въ нихъ мы старались открыть существенные способы переложенія и языкъ древнихъ и послѣдующихъ переводовъ, съ особенными его формами и словами. Эти признаки, съ усиленіемъ найденные, о которыхъ прежде почти и не думали, служили намъ главнымъ основаніемъ къ опредѣленію времени переводовъ (хотя приблизительно), а также и мѣста, гдѣ они явились, въ Болгаріи или Сербіи. Повторяясь въ близкихъ между собою по времени и мѣсту происхожденія переводахъ, они давали твердость нашимъ заключеніямъ и иногда въ младшихъ спискахъ указывали древніе, доселѣ неизвѣстные переводы, напр. бесѣдъ Златоустаго къ антиохійскому народу, извѣстныхъ подъ именемъ андріатиса (въ Описаніи № 125). Эти наблюденія надъ переложеніемъ и языкомъ имѣли такимъ образомъ большую важность и существенную необходимость въ Описаніи, — и мы полагаемъ, что и впредь они будутъ имѣть такое же значеніе для изслѣдователей подобныхъ памятниковъ. Если они благосклонно приняты въ словарь не Востокова, а въ болѣе совершенный Миклошича: то это было уже слѣдствіемъ, а не цѣлю нашихъ замѣчаній. Въ связи съ предъидущимъ, рецензентъ тамъ же (стр. 249) дѣлаетъ еще такое замѣчаніе, что описатели, не обращая должнаго вниманія на церковную жизнь въ древней Руси, въ пособіе своихъ изслѣдованій пользовались нѣкоторыми посторонними бібліотеками, а не книгами и рукописями *Типографской бібліотеки* или бывшаго Московскаго печатнаго двора, которыя необходимы для изученія нашего книжнаго исправленія и вообще нашей древней церковной

литературы. При этомъ онъ особенно указываетъ на правленный въ XVIII в. *текстъ Библии Елисаветинскихъ исправителей* и, оговаривая скудость и позднѣйшее время *отеческихъ* рукописей, замѣчаетъ большое богатство и древность *богослужебныхъ* книгъ, рукописныхъ и старопечатныхъ, того же и прочаго содержанія по церковной литературѣ. Хорошо, еслибъ г. рецензентъ описателямъ положительно показалъ важность и необходимость употребленія правленныхъ списковъ Библии XVIII в., чего сами они не видѣли, основавшись въ своихъ выводахъ на все объясняющемъ предисловіи Елисаветинскихъ исправителей (Опис. 1, 176 и слѣд.). Въ отдѣлѣ отеческихъ твореній самъ рецензентъ не признаетъ особенной нужды въ типографскихъ рукописяхъ и книгахъ, хотя напротивъ составители Описанія и здѣсь пользовались ими, напр. въ признаніи списка бесѣдъ Василія Великаго на Шестодневъ подъ № 60, словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ № 112 и Григорія Богослова № 124 и богословія Іоанна Дамаскина № 153, въ признаніи сихъ списковъ оригиналомъ для типографскаго изданія 1665, въ опредѣленіи отрывковъ изъ Никоновой скрижали 1656 г. въ № 103 и поученій аввы Дорофея по рукописи № 148 (см. еще Описаніе № 209 и 214). Что же касается книгъ богослужебныхъ, то, какъ описаніе ихъ доселѣ еще не вышло, замѣчанія рецензента оказываются преждевременными, если только они не были сдѣланы въ видѣ предостереженія. Между тѣмъ мы можемъ завѣрить, что и тамъ найдется употребленіе типографскихъ старопечатныхъ книгъ, хотя волею и неволею и не въ такой степени, какъ бы хотѣлось любознательности.